

ГРИГОРИЙ ПОПОВ

**ПОРАЖЕНИЯ,
КОТОРЫХ
МОГЛО
НЕ БЫТЬ**

**ЭПОХА
МИРОВЫХ
ВОЙН**

Григорий Германович Попов
Поражения, которых могло
не быть. Эпоха мировых войн
Серия «Уроки истории»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21159973

*Поражения, которых могло не быть. Эпоха мировых войн: Алгоритм;
Москва; 2016*

ISBN 978-5-906861-39-9

Аннотация

В книге под необычным для традиционной историографии углом зрения освещаются, казалось бы, хорошо изученные этапы и события мировых войн XX века, а также малоизвестные операции. Действительно ли мировой характер войны, начавшейся в 1914 году, был предрешен? Чем на самом деле объясняется провал войск вермахта под Москвой? Почему присоединение к Советскому Союзу Выборга в результате «зимней войны» не только не привело к усилению стратегических позиций СССР в Карелии, но и стало одной из весомых причин установления блокады Ленинграда? Чем обернулись ошибочные стратегические решения Рузвельта в войне на Тихом океане и что в итоге спасло Антигитлеровскую коалицию от катастрофы? Предметом исследования Г. Г. Попова становятся не столько сами

боевые действия, сколько связь между политикой, дипломатией, идеологией, экономикой и военной стратегией. Автор уверен, что исход крупных военных операций чаще всего был уже предрешен в тени кабинетов, где принимались верные либо роковые решения.

Содержание

Предисловие	6
Первая мировая война	17
Война, которая могла стать локальной	17
Открытая Атлантика или Северное море?	51
Воевать – значит наступать. Жаркое лето в Галиции	72
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Григорий Попов
Поражения, которых
могло не быть.
Эпоха мировых войн

© Попов Г. Г., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Предисловие

Настоящая книга посвящена наиболее драматическим векам российской и мировой истории. При этом автор не претендует на высокую академическую значимость данной работы, рассматривая ее как научно-популярный труд. Поэтому читатель не найдет в тексте много ссылок, хотя ряд положений монографии основан на документах.

Работа названа «Поражения, которых могло не быть». Но мы не претендуем на истину в последней инстанции, когда говорим о причинах тех или иных крупных поражений эпохи мировых войн. Мы показываем основные тенденции, которые предшествовали тем или иным событиям. Мы уверены, что исход крупных военных операций чаще всего уже предreshen в тени кабинетов, где принимались верные либо роковые решения.

В начале 1990-х гг. российский книжный рынок был завален работами, посвященными истории Белого движения. Интерес к этой теме был связан с проблемой альтернативы коммунистической идее, под лозунгом чего произошла революция 1991 г. Тогда же была выдвинута идея, что 1917 год стал ошибкой в нашей истории, которая повлекла за собой сталинизм и вызванную им катастрофу лета 1941 г. Из этой концептуальной идеологической линии вытекало, что трагические события конца 1930 – начала 1941 г. были запрограм-

мированы в 1917 г. Однако подробного анализа этой связи, кроме изучения идеологической подоплёки сталинской политики 1930-х гг., практически не проводилось. Российские историки еще тогда не были знакомы с аппаратом альтернативной истории, которая активно развивалась на Западе.

Историки, ставшие превозносить в нулевые годы Сталина, ушли в другую крайность. Опираясь на перегруженные идеологией советские работы периода времен холодной войны, они начали доказывать, что рыночная система и демократия совершенно нежизнеспособны в условиях военной мобилизации 1939–1945 гг. И советское общество с его коллективизмом сумело победить сильнейшую в военном отношении систему – нацистскую Германию.

В связи с позитивной оценкой сталинской политики в эпоху нулевых годов возникает вполне логичный вопрос. Если построенная Сталиным и его окружением модель общественного устройства была такой эффективной, то почему нацистская Германия сумела за шесть лет создать мощнейшую в мире армию, когда Советский Союз, готовясь к войне со всем капиталистическим миром, пережил военные катастрофы 1941 – первой половины 1942 г.? И соответственно, вполне законен другой вопрос: почему западные демократии (к ним вполне справедливо можно отнести и кайзеровскую Германию) достаточно эффективно воевали и проводили мобилизации своих экономик в период Первой мировой войны?

Государство Сталина, как мы намерены показать в настоящей книге, было ненамного эффективнее западных демократий и нацистской Германии, с чисто экономической точки зрения. Даже французская военная промышленность периода «сидячей войны» была достаточно сильной в условиях демократии. Но проблема Франции во Второй мировой войне заключалась не в экономике, хотя серьезные хозяйственные проблемы, разумеется, у нее были, а в военной стратегии. То же самое касается Англии и США.

СССР в годы Великой Отечественной войны опирался на внешние ресурсы в не меньшей степени, чем его противники – нацистская Германия и ее союзники. Военное влияние западных союзников на Восточный фронт было недооценено в советской и российской историографиях. Причина проста – пониженный интерес российских историков к Западному фронту, который рассматривался в отечественной историографии как некое дополнение к Восточному фронту.

Советскими и российскими историками редко берется в расчет разгром фашистской Италии как одного из основных участников коалиции «Ось». Мы считаем крупные потери Италии в 1940 – первом полугодии 1941 г. важной причиной кризиса «Оси» в 1943–1945 гг.

Долгое время в российской историографии было принято считать, что Сталин добился победы в Великой Отечественной войне большой кровью, что было среди либеральных историков главным аргументом критики сталинской во-

енной политики. Однако историки часто сравнивают потери СССР с отдельно взятыми государствами, а не с потерями блоков. В этой связи урон, понесенный западными союзниками в годы Второй мировой войны, надо брать из расчета потерь всех участвовавших на стороне Лондона государств, включая в первую очередь Польшу. В таком случае мы выходим на огромные цифры потерь блока «Западные союзники», центром которого до зимы 1943 г. оставался Лондон, только после конференции в Касабланке (январь 1943 г.) американцы начнут доминировать в этом военно-политическом союзе.

В настоящей книге нас интересуют в первую очередь не сами боевые действия, которые достаточно хорошо описаны в ряде других работ, но связь между политикой, дипломатией, идеологией, экономикой и военной стратегией. Мы ограничиваемся описанием нескольких важных этапов истории мировых войн – анализ всего хода обоих глобальных конфликтов занял бы несколько томов. Мы намерены взглянуть на события с позиций возможных альтернатив.

Альтернативной историей в России научно стали заниматься экономисты и социологи, отреагировав на знаменитую работу Ричарда Фогеля о строительстве железных дорог в США в XIX в.¹ При всей спорности своих базовых положений упомянутый труд Р. Фогеля дал возможность по-

¹ *Fogel R. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore: The John Hopkins Press, 1964.*

смотреть на историю как науку по-другому, как на живой предмет, дающий возможности для моделирования не только прошлого, но и будущего.

Уже более 20 лет назад в России была издана книга Э. Дуршмида «Победы, которых могло не быть», однако данный труд охватил достаточно обширный исторический интервал, при этом внимание автора сконцентрировано на отдельных сражениях. Мы уверены в этой связи, что победа южан при Геттесборге действительно могла состояться, но цена этой победы – огромные людские потери – не могли позволить генералу Ли развить успех, а экономическая блокада Юга лишала армию Конфедерации надежд на получение новых вооружений и обмундирования.

То же самое, что и о Геттесборге, можно сказать и про Ватерлоу. Как пишет Э. Дуршмидт, французскому сержанту не хватило пригоршни гвоздей, чтобы закрыть жерла нескольких британских орудий. Да, Наполеон Бонапарт мог победить, не спорим, однако, как показали кампании 1812, 1813 и 1814 гг., французы, даже добиваясь больших тактических успехов, терпели в итоге поражения. Британская экономика к 1811 г. заработала уже в полную мощь, однако ресурсы Франции к этому времени стали уже иссякать. Противники Франции научились воевать, русская армия была уже совсем не такой, как под Аустерлицем, а пруссаки, копируя опыт России и Испании, объявили в 1813 г. народную освободительную войну.

Нас интересуют в этой работе не сами сражения и их альтернативный ход, что достаточно хорошо изучено в историографии, но, главным образом, причины, почему эти сражения и войны, их породившие, произошли, имея именно тот ход, который мы знаем. Первая мировая война вполне могла не стать Первой мировой, а остаться в истории европейским конфликтом, который завершился бы к Рождеству 1914 г. после мирной конференции где-нибудь в Генуе или в нейтральном Стокгольме. Но в таком случае, вероятно, очаг нового конфликта появился бы на Востоке, и России пришлось бы столкнуться с японо-германским альянсом или же китайско-германским военным союзом.

В научной литературе до сих пор идет дискуссия о роли Сталина и большевистского режима в отражении нацистской агрессии. В одной частной беседе автору настоящих строк задали вопрос: «Представим себе, что главой СССР был бы в 1941 г. не Сталин, а М. С. Горбачев?» Ответить на этот вопрос можно так: лидер, подобный М. С. Горбачеву, не смог бы пробиться в ряды высшего руководства государства в 1920—1930-х гг. даже в условиях контроля Кремля группой Бухарина. Слишком мощная внутренняя и внешняя оппозиция диктовала свои условия отбора лидеров ВКПб. В 1970—1980-х гг. за «ядерным щитом» и в условиях почти полной подавленности внутренней оппозиции функционеры КПСС смогли позволить себе поворот к либерализму.

В одной из своих работ мы рассуждали о том, что было бы

в случае прихода к власти в России в результате победы белых В. Колчака или же успеха бухаринской оппозиции в конце 1920-х гг. Элементарные расчеты, основанные на данных по тенденциям развития советской и западных экономик в первой половине прошлого века, привели нас к выводу, что белая альтернатива в случае агрессии нацистской Германии не имела шансов на победу во Второй мировой войне. Бухаринская альтернатива, как мы определили, была более прогрессивной с точки зрения возможностей подготовки к войне, но вооруженные силы СССР были при ней обречены на доктрину «оборончества», что в итоге могло привести к победе, но, скорее всего, такой, какую одержали западные союзники в 1918 г., то есть новый Версаль.

В свое время в исторической науке велись споры о роли западных союзников в разгроме нацистской Германии и в победе над кайзеровской Германией в 1918 г. В настоящей работе мы рассматриваем целый комплекс проблем, связанных с этим вопросом. 1918 год показал возможность западных союзников эффективно противостоять военной машине Германии без Восточного фронта. Почему то же самое не произошло в 1940 г.? Или почему высадка в Нормандии произошла так поздно, что было однозначно невыгодно США, поскольку роль освободителя Европы от фашизма досталась Советскому Союзу, а не амбициозному Ф. Рузвельту, который уже на встрече в Касабланке (январь 1943 г.) видел себя именно в качестве великого освободителя, а Сталина – ли-

дером в своей тени, но все получилось наоборот.

Нашей целью в настоящей работе является показать социальные, экономические и политические факторы, которые привели к величайшим поражениям в Европе в эпоху мировых войн, и ответить на вопрос, что могло предотвратить эти поражения. Мы будем обращаться и к микросоциальным аспектам рассматриваемых в настоящем труде вопросов, образно говоря, «к пригоршне гвоздей, спасшей англичан при Ватерлоу». В книге мы будем нередко обращаться к биографиям отдельных личностей – как полководцев и политических лидеров, так и рядовых участников событий.

Основным географическим пространством, которому мы посвящаем главное внимание, является Европа, события в Азии мы затрагиваем только в контексте борьбы между европейскими державами. Мы также отдельно затрагиваем проблемы развития США в эпоху мировых войн. Много в книге сказано о Германии, мы опираемся на ряд ранее не опубликованных в России архивных документов германских ведомств, а также на не столь хорошо известную российскому читателю немецкую литературу по эпохе мировых войн. Нас могут упрекнуть в германоцентричном подходе к изучаемым в монографии проблемам. Но Германия – это государство, потерпевшее поражения в двух мировых войнах, и наша книга – о причинах поражений, а не побед.

Данная работа не является монографией только по контрфактической истории. Мы считаем, что слишком опромет-

чиво думать, что контрфактический анализ может помочь объяснить причины тех или иных событий и их хода, в исторические процессы часто вмешивается такой фактор, как случайное стечение обстоятельств, даже военные его учитывают при планировании операций. Случайности во многом таковыми не являются, если внимательнее их рассмотреть; мы сказали бы, что фактор случайности есть следствие тех процессов на микросоциальном уровне, которые часто выпадают из поля зрения исследователя.

Наша книга охватывает основные события Первой мировой и Второй мировой войн, а также процессы, на фоне которых происходили эти события. Мы также уделяем много внимания межвоенному периоду. Оба глобальных конфликта тесно связаны друг с другом, поэтому их целесообразнее, как мы думаем, рассматривать вместе.

Основной идеей работы является то, что глобальные конфликты прошлого века могли быть вполне предотвращены либо не допущены до таких огромных масштабов, если бы на уровне отдельных государств и Европы в целом имели бы место механизмы предотвращения вооруженных конфликтов. И дело далеко не в дипломатии, проблема заключалась в политических и военных доктринах. Конфликты в Европе могли стать быстротечными и не дойти до масштабов мировых войн, если бы государства обладали достаточной информацией о потенциальном противнике, впрочем, в таком случае до вооруженных столкновений дело, вероятно, не дошло бы.

В канун Первой мировой войны, как и в современной Европе, существует демократия, много левых в парламентах, сильные военно-политические коалиции государств, уверенность в техническом и моральном превосходстве над вероятным противником. Однако, как показали события в Югославии и на Украине, Европе еще далеко до совершенной системы безопасности.

В годы холодной войны бытовало мнение, что третьей мировой не случилось только в силу того, что был фактор ядерного сдерживания. В какой-то степени это так. Но история Второй мировой войны показала, что даже в условиях глобального конфликта стороны могут отказаться от применения ОМП, как это случилось с боевыми отравляющими веществами. Означает ли это, что любой экстремистский режим в нашей современности может быть источником нового крупного, пусть и не глобального, конфликта, обзаведись он хотя бы минимальным объемом ядерного оружия? Да, такое вполне возможно. Поэтому радикализация обществ третьего мира вполне может спровоцировать появление таких режимов. В этой связи изучение опыта мировых войн приобретает новую актуальность.

Как и много лет назад, общества крупных государств надеются на стратегические войска как на главный фактор успеха их вооруженных сил в возможных конфликтах. Войны в Ираке и в Афганистане немного умили такие настроения. Однако конфликты второй половины XX – нача-

ла XXI в. показали, что даже в условиях демократии ориентированные на решение проблем силовыми методами политики могут легко манипулировать общественным мнением, подталкивая свои страны к выбору в пользу войны.

Первая мировая война

Война, которая могла стать локальной

Десятки лет в школах и университетах России и многих других стран нас учили и продолжают учить молодые поколения, что Первая мировая война была неизбежна, старые империи уже изжили себя и шли к своей гибели, которая должна была сопровождаться агонией в форме великой войны.

Как много империй существовало в мире и Европе, и как много раз их распад либо значительное ослабление сопровождалось кризисом цивилизации? Распад Римской империи сопровождался появлением в Европе новых форм государственного устройства, более примитивных, чем государства античности. Кризис колониальной Французской империи в конце XVIII в. привел к Великой буржуазной революции, те же самые республиканцы взяли власть, как и в Англии за 150 лет до этого, они сформировали армию свободных граждан, которая от обороны быстро перешла к экспансии против консерваторов в лице нескольких европейских монархий, включая три континентальные империи. Пораже-

ние Наполеона привело к реставрации в Европе консервативных режимов.

Радикалы желали разрушать империи, консерваторы – их сохранять. Ни один из крупных конфликтов до Первой мировой войны не привел к распаду даже одной империи, иное произошло после 1914 года. Это означает, что до Первой мировой войны радикалы преимущественно проигрывали. Если мы опять обратимся к истории между Наполеоновскими войнами и выстрелами в Сараево, то увидим, что европейцы воевали между собой несколько раз после Ватерлоу (1815), однако это не привело к революциям в масштабах всей Европы, был низвергнут только Наполеон III, но Французская республика оказалась достаточно консервативной системой. Даже в Италии – родине Гарибальди – установилась монархия, которая начала создавать колониальную империю.

Империям было слишком тесно, и им не хватало места, может, это есть причина Первой мировой войны? Едва ли. К 1914 г. немцы образовали столько колоний, что возник вопрос, как их удерживать и обустроивать. Простые немцы предпочитали просто иммигрировать в США или Аргентину, нежели осваивать дикие тропики и саванны Африки. Эпоха колониальных захватов уже заканчивалась, приговор ей вынес институт свободной международной миграции. Для англичан резервом для отправки иммигрантов оставалась плохо заселенная к началу XX века Канада.

Может быть, обострение противоречий между пролетари-

атом и капиталом стало истинной причиной мировой войны? Тоже неверно. Начинать войну в условиях роста социальной нестабильности было бы безумием для европейских монархий, которые всегда объединялись для борьбы с революциями, если хотя бы вспомнить, что подписание Портсмутского мира, положившего конец Русско-японской войне, было ускорено революционными событиями в России. Вильгельм II к 1914 г. наладил отношения имперской бюрократии с умеренными социалистами, те же шаги, только очень неуклюже, предпринимал Николай II в отношении российских социалистов.

Большевистская версия тех событий гласила, что главную роль в разжигании войны сыграли интересы крупного капитала. С этим тоже трудно согласиться. К 1914 г. европейские финансово-промышленные группы были настолько интернационализированы и зависимы от трансграничного движения капиталов, что глобальная война могла привести к экономическому кризису таких масштабов, который был в состоянии разрушить все построенные с таким трудом рыночные системы, что в итоге и произошло в России. Выигрыш от военных заказов уничтожался потерями от войны, включая призыв на фронт рабочих и уход с рынков тех стран, с которыми приходилось воевать, к этому надо добавить инвестиции в специфические активы, которые невозможно было реализовать после войны, а также стоило бы упомянуть об ускорении амортизации.

Причины Первой мировой войны те же самые, что и в остальных войнах, – амбиции политиков и генералов, для ограничения которых в европейских странах не было институциональной защиты, в частности армии не были подконтрольны обществам. Впрочем, у этого глобального конфликта была важная особенность – мы не видим той важной компоненты ряда других крупных конфликтов в Европе – борьбы революционеров с консерваторами, так как социалисты на Западе поддержали в 1914 г. свои правительства. Если в начале Наполеоновских войн революционно настроенные интеллектуалы в государствах Германии поддерживали Наполеона, то в 1914 г. мы наблюдаем обратное.

Германию после Первой мировой войны обозначили в западной и российской историографиях как оплот консерватизма и юнкерской реакции, последняя и стала якобы источником глобального конфликта. Однако юнкерам как раз не были выгодны проекты строительства колониальной империи, поддержанные Вильгельмом II, и конфликт с Британией, которая была основным рынком сбыта немецкой сельскохозяйственной продукции. Та самая «юнкерская реакция» и настояла на знаменитом совете в Спа на отречении Вильгельма II. Германская империя, учтем важный аспект, к 1914 г. была конституционной монархией с правом всеобщего голосования на выборах в рейхстаг, за исключением женщин (в Британии до 1918 г. действовал жесткий имущественный ценз). В отличие от Германии, ее главный против-

ник на Востоке – Россия – обладал гораздо более консервативной моделью общественного устройства.

Германия была почти единственной страной в Европе, которая была готова экспортировать капитал в страны Ближнего Востока и Османскую империю, не требуя от их народов ограничения собственного суверенитета. Оккупация Ирана Россией и Британией в 1907 г. показала, что многие европейцы готовы продолжать следовать модели отношений с мусульманами по принципу «победитель всегда прав». Кайзеровская Германия стала практически единственным государством Европы, которое официально осуществляло программу возрождения культуры евреев, признав тем самым их полноправными гражданами. Именно в Германии были проведены знаменитые социальные реформы Бисмарка, давшие начала пенсиям по старости и инвалидности, всеобщему бюджетному здравоохранению, государственному среднему образованию. На фоне всего этого противники Германии в Первой мировой войне выглядят консервативными режимами с их приоритетом свободы рыночных отношений, или фактически одной из форм социального дарвинизма.

Германии не повезло с альянсами. Италия перешла на сторону Антанты. Австро-Венгрия имела слабую армию и множество внутренних проблем, около 10 % населения этого государства составляли немцы, что создавало известные сложности с формированием внутренней политики во время войны. Османская империя была, как известно, «большим

человеком Европы». Единственным крупным эффектом от вступления Турции в войну на стороне государств Центра стало то, что для России оказался перекрыт выход в Средиземное море, что значительно подрывало ее экономику. Болгарию следует рассматривать как номинального союзника Германии.

Австро-Венгрия была еще и слабым в военном отношении союзником, потому что соглашение 1867 г. Габсбургов с венгерской аристократией определяло, что вклад Венгрии в оборону империи должен был составлять заметно меньше, чем для немецкоязычных провинций. Только в 1912 г. Вена смогла пойти на радикальное увеличение военного бюджета, который в 1911 г. был почти в 2,8 раза меньше, чем у Германии, и примерно в 2,2 раза ниже, чем у России².

В 1912 г. Вена потратила на постройку флота 150 млн крон, или почти пятую часть военного бюджета империи. При таком финансировании вооруженных сил Австро-Венгрия могла ежегодно призывать на срочную службу 100–130 тыс. человек. В 1912 г. были призваны 181 тыс. человек, но было уже поздно, армия имела слабый людской потенциал и состояла к лету 1914 г. из 48 дивизий, слабо оснащенных артиллерией и пулеметами.

В канун Великой войны Вена развернула в Галиции 11 кавалерийских дивизий, которые должны были прикрыть раз-

² *Rothenberg G. E. The Austro-Hungarian Campaign Against Serbia in 1914 // The Journal of Military History. 1989. Apr. Vol. 53. No. 2. P. 128.*

вертывание резервных пехотных дивизий. Однако на Украине Санкт-Петербург держал 36 кавалерийских дивизий. Австрийцы были тем не менее убеждены в своем превосходстве над своим восточным противником. Австрийский Генштаб был вдохновлен на проект большой войны неудачей сербов в Боснии в 1909 г., Россия тогда ограничилась дипломатическим вмешательством из-за позиции Франции, не ставшей поддерживать Николая II. Тем не менее к 20 июля 1914 г. Конрад фон Хетцендорф понимал, что конфликт с Россией невозможно избежать в случае агрессии против Сербии, но 25 июля он все-таки отдал приказ только о частичной мобилизации против сербов³, хотя 29 июля он сказал императору, что Австрия находится на грани войны с Россией⁴, и это – загадка, требующая глубокого анализа тех событий.

Можно ли было избежать войны в 1914 г.? Как признался во время Первой мировой войны сам канцлер Германии Бетман Хольвег, такая возможность была. Как вспоминал Б. Хольвег, 5 июля 1914 г. Вильгельм II вызвал его в Потсдам для консультаций, в ходе которых объяснил, что новый балканский кризис не должен перерасти в крупную войну, но в то же время Германия не бросит в беде Австро-Венгрию. По сути, кайзер поставил перед кабинетом министров

³ *Rothenberg G. E. The Austro-Hungarian Campaign Against Serbia in 1914 // The Journal of Military History. 1989. Apr. Vol. 53. No. 2. P. 132.*

⁴ *Rothenberg G. E. The Austro-Hungarian Campaign Against Serbia in 1914 // The Journal of Military History. 1989. Apr. Vol. 53. No. 2. P. 133.*

две взаимоисключающие задачи в случае, если Санкт-Петербург собирался решительно противостоять Вене.

Как часто случалось, Вильгельм II передал право принимать судьбоносные решения своим военным, которые в тот же день, 5 июля 1914 г., после совещания пришли к заключению, что Россия не вмешается в конфликт, поэтому можно смело послать германские контингенты на Балканы. Однако, как добавил во время того судьбоносного совещания начальник Генерального штаба Мольтке, Австрия едва ли решится на войну, в чем его убедил канцлер.

6 июля 1914 г. утром Б. Хольвег дал заверения австрийскому послу, что Германия поддержит Австро-Венгрию в сложной ситуации в ее конфликте с Сербией и Германия считает, что Вена имеет в этом вопросе полную свободу действий. Хольвег не сказал ни слова австрийскому послу о войне и военной помощи Вене, но тот понял все по-своему, передав домой сообщение, в котором уверял австрийскую партию войны, что Германия готова следовать вместе с Австрией до конца.

В начале июля в Германии были убеждены, что сербская проблема будет решена Австрией самостоятельно быстро и при незначительных затратах. Берлин обнадеживал себя тем фактом, что династические связи обеспечивали лояльность и даже союз между германо-австрийским альянсом и Болгарией, к этой коалиции могли присоединиться с большой вероятностью Румыния и Греция. Таким образом кайзер наме-

ревался изолировать Россию на Балканах еще до того, как прогремят первые выстрелы, впрочем, в серьезность намерений русских начать войну Вильгельм II, как следует из его беседы с канцлером Хольвегом, не верил, как не верило это-му и германское верховное командование.

Решение Хольвега дать Вене заверения в готовности ее поддержать в случае нападения на сербов удивительно на том фоне, что он пессимистически заметил в своем дневнике примерно во время тех событий, что соотношение сил явно в пользу Антанты, учитывая неспособность Австрии эффективно поддержать Германию в ситуации большой войны. Хольвег пытался объяснить это тем, что в случае отказа Германии помочь австрийцам последние покинут альянс и атакуют сербов, вступив одновременно в войну с Россией и ее союзниками. То есть Хольвег предполагал намерение Вены совершить военное самоубийство ради престижа⁵. Но это означало, что Германия, останься она в стороне от конфликта, практически навсегда должна была потерять выходы на Балканы и, соответственно, на Ближний Восток. Но Хольвег все-таки надеялся, что Франц Иосиф не пойдет на войну. Хольвег также предполагал отказ Франции выполнить союзнические обязательства, как это уже было во время Боснийского кризиса и Русско-японской войны. Германский канц-

⁵ *Jarausch K. H. The Illusion of Limited War: Chancellor Bethmann Hollweg's Calculated Risk, July 1914 [1969] // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. Supplement. No. 24; Contemporary History as Transatlantic Project: The German Problem, 1960–2010 (2012). P. 62.*

лер все-таки больше рассчитывал на распад Антанты и локальную войну в форме полицейской акции против сербов, которых, как он был глубоко убежден, следовало наказать. Однако даже в случае большой континентальной войны, как обещал германский Генеральный штаб, победа будет на стороне немцев, но без учета вмешательства Британской империи, вероятность чего была вовсе проигнорирована Берлином в начале июля 1914 г.⁶

Таким образом, многое зависело от действий Австрии, точнее венской элиты, которая была убеждена, что сербов можно быстро сломить, а затем Антанта пойдет на переговоры. Поездка Пуанкаре в Санкт-Петербург обнадежила австрийский кабинет, который считал, что французы намерены отступить. Во всяком случае, во время франко-русских переговоров, когда Пуанкаре был далеко от Парижа, Россия не могла начать мобилизацию, и у Австрии был шанс безнаказанно нанести удар по Сербии, а потом поставить Париж и Санкт-Петербург перед фактом, что Сербии как независимого государства более не существует. Вполне вероятно, что Антанта в таком случае не пошла бы на военное решение конфликта, постаравшись выторговать себе побольше на очередной дипломатической конференции. Но вмешался один факт: венграм надо было собрать урожай, поэтому Вена

⁶ *Jarausch K. H. The Illusion of Limited War: Chancellor Bethmann Hollweg's Calculated Risk, July 1914 [1969] // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. Supplement. No. 24; Contemporary History as Transatlantic Project: The German Problem, 1960–2010 (2012). P. 63.*

отложила мобилизацию. Тогда уже вмешался Берлин, подталкивая австрийцев к решительным действиям против Сербии, пока Антанта не начала подтягивать силы. Однако даже 26 июля канцлер продолжал убеждать всех, что Россия не вмешается в австро-сербский конфликт, поскольку не было заметно никаких враждебных действий со стороны русских.

Накануне объявления войны Сербии австрийские дипломаты достаточно решительно вели себя в Санкт-Петербурге, а в Лондоне они даже заявляли, что разделят Сербию между Болгарией и Албанией. Хольвег, в свою очередь, полагал, что австрийские войска самостоятельно быстро возьмут Белград до того, как Россия проведет мобилизацию, после чего при посредничестве Лондона Тройственный союз начнет переговоры с Николаем II. Германия объявила мобилизацию 31 июля 1914 г., позже, чем Россия, поскольку Хольвег надеялся на дипломатическое урегулирование конфликта при посредничестве Лондона, но почти с уверенностью, что Антанта сдаст сербов.

Как показали события августа 1914 г. в Сербии, Австро-Венгрия одна не могла победить даже сербскую армию. Вена бросила против сербов почти 240 батальонов и чуть более 500 орудий. Австро-венгерские войска имели на сербском фронте 392 пулемета, то есть менее 2 пулеметов на батальон. Сербская сторона выставила в первые же дни войны 400 тыс. солдат и офицеров (из них 185 тыс. солдат первой линии) при 528 орудиях (из них 328 новейших на то время

орудий Шнайдер Крезот 1897), черногорцы подняли 60 тыс. человек войск при 200 орудиях. Таким образом, австрийская сторона имела мало шансов на успех, принимая во внимание также тот факт, что сербы были вооружены новейшими на то время немецкими магазинными винтовками системы Маузер, часть которых они захватили во время Балканской войны у турок.

Если начать формулировать контрфактическую модель событий лета 1914 г., как ее представлял себе Хольвег, то есть локальную балканскую войну, то без германской помощи австрийское наступление должно было быстро захлебнуться. Генеральный штаб Сербии планировал вести оборонительную войну, если даже Россия откажется помогать. Сербское командование надеялось на сложный рельеф местности и на то, что снабжение австрийцы смогут получать в основном только через транспортные коммуникации в Банате, что ограничивало географию австрийского наступления северными пригородами Белграда, рядом с которыми сербы сконцентрировали 8 своих дивизий первой линии. Отметим особо, что австрийская сторона пошла на всеобщую мобилизацию только после объявления таковой Россией, хотя Австрия объявила войну Сербии уже 28 июля, то есть австрийский Генеральный штаб планировал вести войну с сербами посредством кадровых частей, чтобы не спровоцировать большую войну в Европе, чего очень хотели избежать в Берлине.

Германский Генеральный штаб настаивал перед Веной 30 июля, чтобы австрийцы провели всеобщую мобилизацию против России, что вполне логично, так как превосходство над Австро-Венгрией в кадровых дивизиях было на стороне России и ее союзницы Сербии, предполагалось также вступление в войну на стороне Антанты Италии и Румынии. Немецкие дивизии на Балканы Мольтке на самом деле отправлять в июле 1914 г. не собирался. Железнодорожная сеть Австро-Венгрии летом 1914 г. с трудом могла обеспечить мобилизацию ее собственной армии.

К концу сентября 1914 г. сербам удалось ослабить австрийскую армию. Вена не смогла перебросить на Восточный фронт 2-ю армию, которая являлась наиболее боеспособной, оставив ее на Балканах для операций против сербов, то есть русское наступление в Галиции не оттянуло лучшие кадровые австрийские части от сербского фронта. Осенью сербы изгнали вторгшихся австрийцев со своей территории, захватив 76,5 тыс. пленных и большое количество оружия и боеприпасов. Усилия болгарских войск были минимальными, болгарскую армию удержал сложный рельеф местности, сербам удалось защитить перевалы на границе с Болгарией посредством частей ополченцев старших возрастов.

Австро-венгерские войска понесли большие потери от тифа и холеры, что было связано с санитарными условиями Балканского ТВД того времени. У нас есть данные о нестроевых потерях, связанных с болезнями, сербской армии во

время двух Балканских войн – 16 300 человек при общих потерях 36 500 человек убитыми и умершими⁷, или 45 % от общего числа потерь; австрийцы должны были иметь такую же пропорцию нестроевых потерь.

Таким образом, локальная война на Балканах, которая, по мнению Хольвега, могла закончиться дипломатической конференцией после австрийского блицкрига, на которой Берлин выступил бы триумфатором, вполне могла стать позором Тройственного союза, что заставило бы руководство Германии действительно всерьез задуматься о перспективах войны в союзе с Австрией против Антанты.

А. А. Керсновский оправдывал решение Николая II начать всеобщую мобилизацию вместо мобилизации четырех округов тем, что после частичной мобилизации уже нельзя было бы провести полную мобилизацию, так как были бы нарушены графики призыва⁸. Но против России на Юго-Западе была Австро-Венгерская империя, лучшие кадровые части армии которой были брошены на Балканы. Австрийцев можно было разбить быстрым наступлением именно тех четырех округов, опираясь в основном на кадровые части, что заставило бы Германию пойти на мирные переговоры. Почему этого не произошло?

Несчастье России в 1914 г. заключалась в том, что ее Ге-

⁷ James M. B. Lyon. «A Peasant Mob»: The Serbian Army on the Eve of the Great War // The Journal of Military History. 1997. Jul. Vol. 61. No. 3. P. 482.

⁸ Керсновский А. А. История Русской армии. Т. 2. М.: Эксмо, 2006.

неральный штаб еще строил свои планы, исходя из опыта войн предыдущего века. Чисто в духе Наполеоновских войн русские стратеги планировали наступление против Восточной Пруссии через более чем 2 недели после начала мобилизации, что было записано в параграфах военного соглашения между Россией и Францией. Французы должны были начать наступление раньше русских примерно на неделю. Но переброска немецкой пехотной дивизии с западных границ империи на восточные обычно занимала 2 недели. Франко-русские планы не содержали оборонительных операций, это была наступательная стратегия, что укладывалось в общий настрой генеральных штабов Европы того времени, который был назван потом «культуром наступления»⁹. Наступление кадровыми дивизиями до мобилизации не принималось во внимание ни в Париже, ни в Санкт-Петербурге.

Согласно российскому Генштабу, развернутые вдоль границ с Германией и Австро-Венгрией преимущественно кавалерийские дивизии должны были выполнять в начале войны функции прикрытия, пока остальная армия не будет мобилизована и выдвинута к границам¹⁰. Мобильные русские соединения могли нанести удар по Австро-Венгрии, когда та сосредоточила свои лучшие кадровые дивизии на Балканах. Однако русские генералы следовали мнению французской военной бюрократии, которая исходила из опыта край-

⁹ *Evera V.* Why cooperation failed in 1914. *World Politics*. Vol. 38. No. 1.

¹⁰ *Керсновский А. А.* История Русской армии. Т. 2. М.: Эксмо, 2006.

не неудачной для Франции войны с Пруссией 1870–1871 гг.

У французов была также существенная политическая причина – делать ставку на резервистов, после кризиса 1871 г. французский офицерский корпус был оппозиционно настроен по отношению к республике. Поэтому французская политическая система стремилась создать такие вооруженные силы, где будет минимум кадровых военных. Французские генералы сознавали, что армия, набранная преимущественно из резервистов, не в состоянии осуществлять длительные и глубокие наступательные операции¹¹, поэтому франко-русский план войны с Германией сводился в основном к тому, что французы демонстративными операциями на границе оттягивали бы на себя основные силы германской армии, чтобы дать русским ударить по Кенигсбергу. План этот отчасти сработал в августе 1914 г., французы провели демонстративные наступательные действия на границе, что заставило Берлин перебросить на Западный фронт два кадровых корпуса (V и VI), которые имели все шансы, как мы увидим ниже, до осени взять Варшаву либо перерезать важные транспортные коммуникации на востоке царства Польского, что затруднило бы развертывание русских армий. Австро-Венгрия, согласно договоренностям с Парижем, оказалась второстепенным театром боевых действий, что и загнало в итоге русских и французов в тупик позиционной войны.

¹¹ *Sagan S. D.* 1914 Revisited: Allies, Offense, and Instability // *International Security*. 1986. Fall. Vol. 11. No. 2. P. 153.

Перед войной русское командование не позаботилось о развертывании достаточного количества кадровых дивизий в Польше. В начале августа 1914 г. с русской стороны западные рубежи царства Польского прикрывала одна 14-я кавалерийская дивизия, растянутая вдоль всего левого берега Вислы! Это позволило 5-му германскому корпусу в первый же день войны сходу взять Калиш, а на следующий день – Ченстохов. Дальнейшее продвижение германских войск вглубь царства Польского было остановлено приказом из Берлина, требовалось перебросить кадровые части на Западный фронт, а на занятых российских территориях были размещены ландверные части¹².

Четырем развернутым против австрийцев русским кадровым армиям было запрещено предпринимать какие-либо наступательные действия, пока Австро-Венгрия официально не объявит войну, и они стояли на границе в ожидании этого события, когда 5-й и 6-й германские корпуса уже маршировали по российской территории. Время было потеряно, с австрийцами русские вступили в бой только 7 августа. Австрийцы были столь уверены в надежности своих оборонительных рубежей в Галиции, что развернули наступление на Кельце совместно с немецким ландверным корпусом. В царство Польское вторглись австрийский корпус Куммера и Польский легион Пилсудского, действовавший как особое соединение армии Австро-Венгрии.

¹² Керсновский А. А. История Русской армии. Т. 2. М.: Эксмо, 2006.

После объявления Австро-Венгрией войны России войска последней на Украине продолжали придерживаться обороны, что дало австрийцам повод подумать, что российские войска там слабы. 8—11 августа австрийская кавалерия силами трех дивизий атаковала русские позиции под Владимиром-Волынским с целью овладения этим пунктом. Австрийцы совершали лобовые конные атаки против русской пехоты прямо в стиле Наполеоновских войн. Потери австрийской стороны оказались огромными, во много раз превосходящими русские. Как затем выяснилось, Генштаб Австро-Венгрии не подозревал о существовании на Западе Украины 8-й русской армии¹³, эта ошибка австрийских стратегов могла бы им дорого стоить, если бы русская армия сразу предприняла наступление после объявления Германией войны, но штабисты в Санкт-Петербурге считали вслед за французами главным театром боевых действий Восточную Пруссию. Официальный Париж рассматривал наступление против австрийцев второстепенным шагом, в чем были убеждены Парижем русские стратеги¹⁴. Чтобы задуманное Жоффром в 1912 г. французское наступление против Эльзас-Лотарингии было успешным, русские должны были сковать в Восточной Пруссии немецкие войска¹⁵. Хотя, точности ради,

¹³ Керсновский А. А. История Русской армии. Т. 2. М.: Эксмо, 2006.

¹⁴ Doughty R. A. French Strategy in 1914: Joffre's Own // The Journal of Military History. 2003. Apr. Vol. 67. No. 2. P. 434.

¹⁵ Doughty R. A. French Strategy in 1914: Joffre's Own // The Journal of Military

скажем, что инициатива наступления в случае конфликта с Германией исходила от Пуанкаре¹⁶.

Жоффри был уверен, что немцы сконцентрируют значительные силы на Восточном фронте в первые же дни войны, что позволит французской группировке в составе 1,3 млн человек нанести поражение германским силам в Эльзасе¹⁷. Однако Жоффри преувеличил возможности русской армии, тогда как потенциал немецкой – преуменьшил. И главное, Жоффри упорно не хотел верить, что немцы будут строго следовать плану Шлиффена, он полагал, что у них для этого нет достаточно войск¹⁸.

Другой важной проблемой русско-французского альянса стало согласование сроков наступления против Германии. Жоффри узнал о них окончательно от Николая Николаевича только 5 августа 1914 г., великий князь планировал наступление на 14 августа, но французы были готовы его начать уже до 10 августа, однако Жоффри назначает дату наступления на Эльзас на 14 августа. Хотя, согласно составленным до войны плановым графикам, французы должны были наступать на неделю раньше русских.

History. 2003. Apr. Vol. 67. No. 2. P. 433.

¹⁶ Doughty R. A. French Strategy in 1914: Joffre's Own // The Journal of Military History. 2003. Apr. Vol. 67. No. 2. P. 433.

¹⁷ Doughty R. A. French Strategy in 1914: Joffre's Own // The Journal of Military History. 2003. Apr. Vol. 67. No. 2. P. 433.

¹⁸ Doughty R. A. French Strategy in 1914: Joffre's Own // The Journal of Military History. 2003. Apr. Vol. 67. No. 2. P. 452.

Великий князь Николай Николаевич считал составленный российским Генштабом план войны абсурдным, он требовал от императора назначить начальником Генштаба генерала Палицына вместо Данилова, но Николай II проявил в этом вопросе свойственное ему упрямство¹⁹, поэтому план наступать в «Восточнопруссий тупик» остался в силе.

В планы верховного командования российской армии входило наступление в Пруссии. Главная трудность для реализации данного плана заключалась в том, что Пруссия была разделена на две части Вислой, немцы оборудовали на ее левом берегу укрепления, поэтому взятие русскими войсками Кенигсберга еще ничего не решало. Согласно планам Мольтке и Шлиффена, Германия была готова пожертвовать Кенигсбергом ради разгрома Франции²⁰.

Вторая проблема заключалась в оценке возможного характера действий войск противника в Пруссии российским Генеральным штабом. По оценкам русских генералов, немцы были готовы сосредоточить на начальном этапе боевых действий в Пруссии 6–8 дивизий. Но немцы располагали в Восточной Пруссии 15 дивизиями. Кроме того, Генштаб Российской империи ошибся со сроками развертывания воинских частей у границ с Германией. В результате вместо планировавшихся 30 пехотных дивизий в Пруссию в августе

¹⁹ Керсновский А. А. История Русской армии. Т. 2. М.: Эксмо, 2006.

²⁰ Свечин А. А. Общий обзор сухопутных операций // Великая забытая война. М.: Яуза; Эксмо, 2009. С. 16.

1914 г. вошла 21 российская пехотная дивизия.

Спасла ли такая стратегия Францию? Едва ли. Краткий обзор боевых действий лета – начала осени 1914 г. показывает всю военно-политическую бессмысленность русского наступления в Восточной Пруссии.

Возглавлявший генеральный штаб кайзеровской Германии Мольтке после известия о русском наступлении в Пруссии спешно перебросил с Западного фронта три пехотных корпуса и две кавалерийские дивизии, но фактически сняли с фронта только два корпуса и одну кавалерийскую дивизию. Пока они направлялись к русско-германскому фронту, Гинденбург уже нанес армии Самсонова поражение. Для сравнения скажем, что для осады Антверпена, где укрылись в августе 1914 г. остатки бельгийской армии, немцам потребовались силы одного пехотного корпуса²¹. В общей сложности Бельгия во время битвы на Марне оттягивала силы трех германских корпусов.

Теперь вопрос: могли ли четыре дивизии изменить коренным образом военную ситуацию под Парижем в конце августа – начале сентября 1914 г.? Прибегнем для ответа на этот вопрос к сравнениям.

Во время битвы на Марне (начало сентября 1914 г.) на главном участке Западного фронта – реке Урк – два корпуса немцев были атакованы 6-й французской армией, соотно-

²¹ *Свечин А. А. Общий обзор сухопутных операций // Великая забытая война. М.: Яуза; Эксмо, 2009.*

шение сил было в пользу французов, но немцы находились в обороне на неплохих позициях. Однако без поддержки еще одного корпуса войска генерала Клука так и не смогли победить. Шестая французская армия Монури состояла почти исключительно из добровольцев, она понесла потери в пограничных боях августа 1914 года.

7 сентября французы перебросили на реку Урк одну марокканскую дивизию, состоявшую из двух бригад, этого оказалось достаточно, чтобы остановить контрнаступление сильно измотанных предыдущими боями трех германских корпусов. Если бы даже немцы прорвались через позиции на р. Урк к Парижу, то их ожидал бы там свежий французский корпус²². У германской армии к вечеру 6 сентября под Марной почти не осталось резервов. Предположим, что Монури смог бы отвести часть своей армии к Парижу, тогда вместе с охранявшим столицу Франции корпусом они смогли бы отразить германское наступление, будь даже в резерве у Клука те самые четыре пехотные дивизии, отправленные на Восточный фронт. Даже переброска на Урк немцами 8 сентября еще двух корпусов из Лотарингии не решила исхода сражения в пользу Германии, измотанная до крайности армия Монури нашла силы для отражения и этого контрудара противника²³.

²² *Свечин А. А. Общий обзор сухопутных операций // Великая забытая война. М.: Яуза; Эксмо, 2009.*

²³ *Свечин А. А. Общий обзор сухопутных операций // Великая забытая война.*

Наступление немцев на Марне было во многом инициативой самого генерала Клука и носило характер большой военной авантюры. Численный перевес был на стороне западных союзников, 1 млн 72 тыс. французов и англичан против 900 тыс. немцев. Между противниками имел место паритет в артиллерии. Наступление при таком соотношении сил было слишком рискованным.

Теперь подумаем над тем, что было бы, предприми русская армия прорыв в Закарпатье, о чем стали думать Николай II и Генштаб незадолго после начала войны. Плодом этих планов переноса центра тяжести борьбы из Восточной Пруссии в Галицию стало взятие Львова русскими войсками в начале сентября 1914 г. По сути, решение наступать в Галиции было запоздалым, будь оно принято в первые два дня войны – и конфликт мог вполне завершиться к Рождеству 1914 г. Поражение Австрии открывало для удара практически весь восточный тыл Германской империи. Болгария и Османская империя были бы отрезаны от своего главного союзника. Почему этого не произошло? И почему последовавшее за 17 августа 1914 г. наступление русских ограничилось только взятием Львова? Начнем ответ на наши вопросы с обращения к карте (рис. 1–2).

Рис. 1. Боевые действия в Галиции в августе 1914 г.

Источник: Самокиш Николай. Бой под Ярославом // Нива. 1914. 8 нояб. № 45.

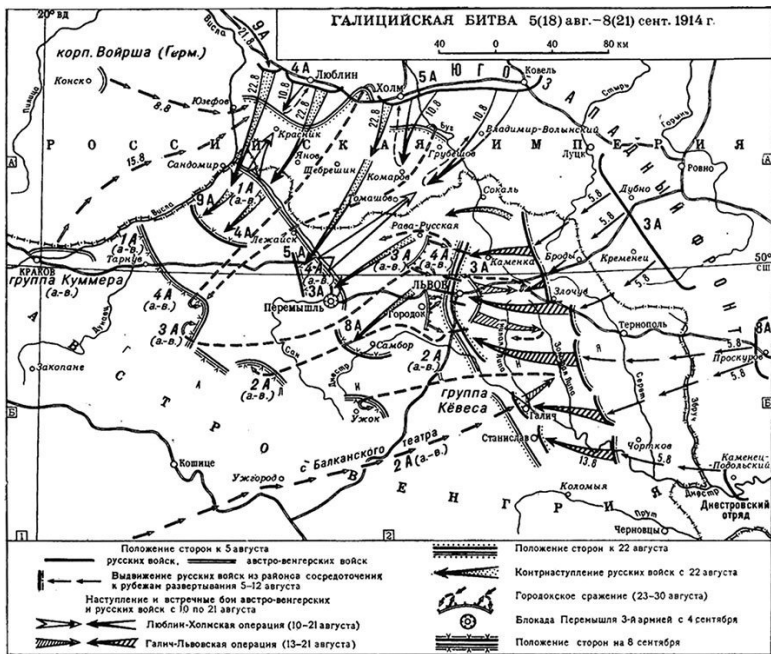

Рис. 2. Боевые действия в Галиции в августе 1914 г. «Галицийская битва». Российская версия

На рис. 1–2 можно видеть, что первыми с русской стороны наступали кавалерийские дивизии, то же самое имело место у австрийцев, которые быстрыми кавалерийскими атаками надеялись в первую неделю войны выбить русских из важных приграничных пунктов. Такой поворот событий Генштабом Российской империи не предполагался. Получилось, что русским войскам надо было вступить в актив-

ные бои практически на линии развертывания, с географией мест развертывания австрийских войск у русских генералов вышла ошибка, линия развертывания противника оказалась гораздо восточнее Львова и Галича, что дало преимущество австрийцам.

Согласно составленным до войны планам российского командования, австрийцы должны были оборонять линию Львов – Галич, но не был учтен балканский фактор, из-за которого после частичной мобилизации Вена бросила основные силы против сербов, а на Востоке намеревалась предпринять демонстрацию малыми силами. Поэтому русские кавалерийские дивизии и пехотные кадровые части стояли у границ с Австро-Венгрией до 8 августа, не предпринимая серьезных наступательных действий, они ждали развертывания резервных армий, после чего, как думали в Санкт-Петербурге, австрийская армия должна была быть разбита ударами на нескольких направлениях по широкому фронту от Люблина до Южного Буга.

Ошибки до войны допустил и Генштаб Австро-Венгрии. Привязывая свою стратегию к планам Германии, австрийские генералы намеревались нанести главный удар в направлении Люблина и Брест-Литовска, когда немецкие войска должны были вести наступление навстречу им из Восточной Пруссии и других своих провинций. Как думали австрийские планировщики, русские будут долго собирать свои войска на рубежах южнее Тарнополя, что даст Вене время со-

вершить быстрое наступление в Польшу. О состоянии русских войск на линии Ровно – Одесса австрийцы имели очень смутное представление, как показали первые дни войны, русские кадровые части даже до мобилизации могли эффективно защищать границу.

Ошибки австрийских и русских планировщиков привели к тому, что фронтовым русским генералам пришлось отходить от довоенных планов и принимать стратегические решения, исходя из сложившейся ситуации. Австрийцы бросили основные силы на Люблинское направление, где к 24 августа они добились численного перевеса над русскими, на Галичском направлении они продолжали недооценивать силы противника, полагая, что им противостоят только 10 дивизий. Принимая во внимание сложную обстановку севернее Львова, командующий Юго-Западным фронтом генерал Н. И. Иванов стал смещать продвижение 3-й и 8-й армий на север. Овладение Галичем и Станиславом стало, согласно приказам Иванова, делом, отложенным в долгий ящик.

К счастью для российской стороны, командир 3-й армии Рузский отказался выполнять приказ Н. И. Иванова и продолжил действовать по довоенным планам. Австрийцы, определив, что русские не предпринимают решительных действий для защиты оказавшегося в опасности Люблинского направления, начали наступление по всему фронту, уступая по численности на линии Львов – Галич русским, но в Вене об истинной численности русских войск не знали. Рос-

сия на этом участке фронта имела почти двукратное превосходство в дивизиях, не говоря уже о качестве войск.

Австрийское контрнаступление 26–27 августа быстро превратилось в отступление вечером 27 августа, однако русские войска уже не могли развивать успех, продвижение 8-й армии стало медленным из-за форсирования хорошо прикрытых артиллерией противника переправ, сказалась потеря времени, австрийцы успели укрепиться.

Русское наступление 3-й армии Рузского на Львовском направлении из-за переброски австрийцами свежих резервов, в основном это были резервные части, захлебнулось, несмотря на ранее достигнутые тактические успехи.

Русский ошибочно посчитал, что Львов хорошо укреплен, поэтому он замедлил темпы наступления, позволив тем самым 3-й австрийской армии организованно отойти на подготовленные позиции.

К счастью для русской 3-й армии, австрийцы не располагали под Львовом даже к 1 сентября 1914 г. достаточными силами, операция против сербов пошла не так, как задумывалось, поэтому 2-ю резервную армию (кадровая 2-я армия оставалась на Балканах) австрийское командование наспех формировало из ландверных частей. Конрадом было принято решение развернуть для помощи Львову с Люблинского направления 4-ю армию, которая добилась серьезных тактических успехов, потеснив русские войска.

Конрад решил, что битва за Польшу к 1 сентября 1914 г.

практически выиграна, теперь надо было, повернув с севера 4-ю армию, ударить по правому флангу Ружского, когда 2-я и 3-я армии должны были двинуться навстречу русским. План Конрада был дерзким, поскольку 4-я армия только завершила наступление в царстве Польском, поэтому ей предстояло развернуться на 180 градусов и следовать на юг. Однако командир 4-й армии Мориц Ауффенберг проявил высокие командные качества, к вечеру 5 сентября его армия уже была готова к наступлению против Ружского.

Но, собрав под Львовом даже три армии, Конрад не смог добиться решительного перевеса в живой силе над противником, у русских в двух армиях были 352 пехотных батальона против 373 батальонов у австрийцев и 183 эскадрона против 187 австрийских. В артиллерии между сторонами был почти паритет.

Австрийцам могла помочь внезапность, о маневре 4-й армии вплоть до столкновения с ней армии Ружского в штабе Юго-Западного фронта ничего не знали. Но сыграли свою роль обстоятельства уже высшего стратегического уровня. Пока австрийские армии в Польше добивались крупных тактических успехов, неся большие потери, они не получали подкреплений по две недели и более. Немцы, вопреки просьбам Конрада, союзникам не помогли, Германия, проведя успешное наступление западнее Вислы, перебросила свои V и VI кадровые корпуса на Западный фронт. Берлин, таким образом, отказался от тех возможностей, какие предлагал

Конрад, – ударить из Польши в тыл русских войск, которые выдвинулись далеко на запад в Галиции.

К русским войскам в Польше постоянно подходили резервы. Воспользовавшись численным превосходством над австрийцами, полученным в основном в силу передислокации 4-й армии Австро-Венгрии, российское командование предприняло общее наступление на Люблинском направлении, чтобы спасти армию Ружского под Львовом. В результате к вечеру 10 сентября австрийцы начали отступление в Галиции и из-под Люблина, который за полторы недели до этого русские намеревались сдать.

У русских армий оставалось не так много сил для преследования. Удивительно, но 2-я и 3-я австрийские армии даже сумели к 10 сентября добиться ограниченных тактических успехов против 8-й армии Брусилова, чуть не заставив ее отступить к Львову, возможно, но русское наступление под Люблином вынудило Конрада дать приказ о всеобщем отступлении в Галиции, сохранив за Австрией только крепость Перемышль.

Итоги Галицийской операции русских войск выглядят впечатляюще. Австро-Венгрия потеряла 400 тыс. человек, из них 100 тыс. пленными, и 400 орудий. Российская сторона оставила на поле боя 230 тыс. человек, из них 40 тыс. пленными. Таким образом, на Восточном фронте австрийские силы сократились вдвое от первоначально задейство-

ванных в первые дни кампании²⁴. Тем не менее фронтальные атаки 2-й и 3-й австрийских армий показали, что австро-венгерские военные готовы драться и достаточно эффективно до последнего даже в тяжелых условиях. Российские войска потеряли треть личного состава, задействованного в первые дни войны на Юго-Западном фронте.

Теперь подумаем, что произошло бы, если бы немцы оставили в Польше два кадровых корпуса. Совместно с ландверным корпусом Войриша могли сдержать на время русское наступление под Люблиным в конце 10-х чисел сентября, что дало бы Конраду шансы выбить 3-ю русскую армию из Львова, нанеся ей большие потери.

При таком развитии событий российское командование должно было бы предпринять генеральное отступление из Польши, что и планировалось сделать в началел сентября 1914 г. при сохранении немцами достаточного количества кадровых корпусов на Восточном фронте. Но французский удар по Лотарингии в августе 1914 г. изменил ситуацию временно в пользу России.

Окончательно созревший к концу августа план Конрада, предполагавший полное уничтожение российских войск в Галиции и в районе Люблина (см. рис. 3), мог быть успешно реализован, будь у Германии на Восточном фронте достаточно резервов, но план Шлиффена этому помешал. Отступле-

²⁴ *Переслегин С.* Вторая мировая – война между реальностями. М.: Яуза; Эксмо, 2014.

ние российских войск вглубь собственной территории к декабрю 1914 г. вполне могло вынудить западных союзников пойти на мирные переговоры, так как надежд на Восточный фронт в таком случае у них не осталось бы, когда США еще не собирались вступить в войну.

Рис. 3. План Конрада и реальный ход событий в начале сентября 1914 г.

Начальник Генштаба Австро-Венгрии Конрад столкнется и далее с оппозицией германского командования. Роковым в этом смысле для всех государств Центра будет решение Людендорфа отказать австрийцам в поддержке во время наступательной операции против Италии весной 1916 г. Победа над Италией могла кардинально изменить ситуацию в пользу Германии, в тылу у французов образовался бы в таком случае новый фронт, а британские коммуникации на Средиземном море стали бы в тогда слишком уязвимыми. Фельдмаршал Франц Конрад стал полководцем, который не смог реализовать свои способности из-за консерватизма союзника.

Открытая Атлантика или Северное море?

До 1914 года немецким морским командованием подводные лодки рассматривались как вспомогательное средство (поддержка линейного флота²⁵), того же мнения придерживались адмиралы и других морских держав. Поэтому к началу войны в Германии не было ни достаточного количества школ для подготовки подводников всех рангов, ни необходимых производственных мощностей для широкого развертывания строительства субмарин, ни тактики, ни тем более стратегии применения этого оружия.

За всю Первую мировую войну Германия построила 375 субмарин, из них к ноябрю 1918 г. было потоплено 186 шт.²⁶, то есть почти половина. Много, но надо учесть, что в 1917 году – самом напряженном году борьбы на морях – германская промышленность выпустила 87 субмарин к почти 180 имеющимся в наличии²⁷, и этого вполне хватило, чтобы в Англии всерьез заговорили о вероятности скорого поражения Бри-

²⁵ *Lundeberg P. K. The German Naval Critique of the U-Boat Campaign, 1915–1918 // Military Affairs. Vol. 27. 1963. Autumn. No. 3. p. 106.*

²⁶ *Долево-Добровольский Б. И. Борьба на морях // Великая забытая война. М.: Яуза; Эксмо, 2009.*

²⁷ Данные с сайта истории подводного флота Германии. URL: http://www.uboaat.net/wwi/boats/most_successful.html.

танской империи. Большая часть из построенных до войны и в 1914 г. германских субмарин была не пригодна для новой подводной войны, поэтому с учетом понесенных потерь германский флот к осени 1917 г. располагал силами примерно в 200 подводных лодок, отсюда наличие у немцев осенью 1918 г. порядка 190 субмарин могло продолжать создавать серьезную угрозу для британского флота.

К 1915 году германские адмиралы решили использовать подводный флот для операций против транспортов. Но это решение возникло в результате серьезной дискуссии в германском Адмиралтействе. Дело было как в стратегических и тактических соображениях, так и в политике. Война против торговых кораблей должна была привести, без сомнений, к потоплению нейтралов, что осложняло для Германии и без того тяжелую внешнеполитическую обстановку. Количество подводных лодок было малым, и не приходилось сомневаться, что англичане найдут ресурсы для борьбы с немецкими субмаринами, одним из которых были замаскированные под торговцев эсминцы. Возможности британской кораблестроительной промышленности позволяли англичанам восполнять потери в торговых судах. Борьба подводных лодок с боевыми кораблями представлялась некоторым немецким адмиралам более перспективной, так как это позволяло Германии рассчитывать на прорыв блокады собственных берегов и выравнивало шансы немецкого надводного флота победить англичан в открытом бою, что могло вынудить Лондон на-

чать процесс мирного решения конфликта.

До 1929 года, когда вышла в свет книга американского журналиста Лоуелла Томаса, подводной войной в 1914–1918 гг. никто не занимался с целью просвещения по этой теме широкой публики. Подводная война, как это часто бывает со слабо освященными темами, обросла легендами, в частности что немецкие субмарины были сверхэффективным оружием и представляли угрозу преимущественно торговым судам. Поэтому решение об их применении именно против торговцев не имело альтернатив и было верным, с военной точки зрения.

На самом деле ход войны мог круто измениться, прими Вильгельм II сторону фон Тирпица, создателя германского флота. Тирпиц предлагал установить блокаду только устья Темзы. Отец океанского флота кайзеровской Германии выступал за ограниченные действия субмарин против торговцев не из консервативных взглядов на военно-морскую стратегию, но по той причине, что подводный флот не был готов к тотальной подводной войне даже в рамках всей береговой линии Британской метрополии. Тирпиц вполне рационально предложил для начала построить побольше субмарин, а уже потом думать о блокаде Англии, к 1 января 1915 г. Германия имела всего лишь 20 субмарин, до этого пять были потеряны в боях и из-за технических неполадок. Таким образом, Германия теряла в месяц по одной субмарине, еще не приступив к тотальной подводной войне, которая обеща-

ла быть для немецких подводников жестокой, поскольку командующий Великим флотом Британии Джелико уже осенью 1914 г. разрабатывал планы борьбы с германскими субмаринами. Командующий военно-морскими силами Германии адмирал фон Ингенол был противником атак субмарин на торговые суда из-за гуманных соображений. Скорее всего, он прекрасно понимал, к чему в итоге это может привести – к трагедиям вроде Лузитании.

До весны 1915 г. Германия воевала на море построенными до войны субмаринами. Это были суда старого класса, явно не приспособленные для операций на удалении 1000 км от баз. Кроме того, имелось много объективных препятствий на пути к осуществлению планов тотальной подводной войны. Во-первых, даже минный заградитель типа UB требовал времени на постройку не менее полугода, новые подводные лодки океанского типа – от 14 до 16 месяцев. Таким образом, Германия могла начать полноценную борьбу с Британией на море не ранее весны 1916 г. Во-вторых, немецкие субмарины базировались на берегах Северного моря, поэтому им надо было преодолеть большое расстояние для выхода на самые оживленные океанские трассы западных союзников. В-третьих, подходы к британским портам изобилуют каменистыми отмелями. В-четвертых, субмарины, сконструированные до Первой мировой войны, имели малую скорость, 10 узлов в надводном положении уже считалось в реальных боевых условиях их пределом, что часто вело к срыву пресле-

дования судов противника. Стрельба по быстро движущейся цели была в 90 % случаев обречена на провал, поскольку немецкие подводники еще не обладали большим опытом. Впятых, у немецкого подводного флота отсутствовала система разведки целей, субмарины искали британские суда вслепую.

Несмотря на объективные обстоятельства, препятствовавшие развертыванию широкомасштабной войны подводных лодок, командор немецкого подводного флота Бауэр оставался непреклонен, он доказывал кайзеру, что задушить Англию морской блокадой можно посредством семи подводных лодок, что было фантазией.

До Первой мировой войны и в ее начале командование германского флота не разработало ни стратегии, ни методов применения субмарин против британского флота. Была поставлена общая задача – топить боевые корабли Британии, способствуя тем самым ослаблению блокады Германии. Для этой цели немецкие подводники активно проводили разведку подходов к Скапа-Флоу, но Джелико осенью 1914 г. увел Великий флот в Северную Ирландию. Тем не менее целей в виде боевых кораблей у немецких подводников оставалось еще достаточно, так как патрулирование Северного моря Джелико не отменил.

В конце 1914 г. немецкая армия захватила побережье Бельгии, что дало германскому флоту возможности для действий в Дуврском проливе, чтобы блокировать переброску

войск и грузов из Британской метрополии во Францию. Зимой 1915 г. дискуссия о характере применения подводных лодок еще продолжалась. Вмешался канцлер Хольвег, который настаивал на запрете широкого применения субмарин против торговцев. У политиков был свой взгляд на этот вопрос: уничтожение лишних нескольких тысяч тонн торговых кораблей Англии особо не могло изменить хода войны, но случайное потопление нейтрала вполне могло спровоцировать увеличение числа военных противников Германии. Вильгельм II сильно колебался, заняв в начале 1915 г. позицию канцлера.

Война немецких субмарин против торговцев в конце 1914 – начале 1915 г. показала, что фон Тирпиц был прав. Жертвами немецких подводных лодок становились в основном угольщики и средние сухогрузы. 2 февраля 1915 кайзер все-таки подписал по настоянию нового командующего флота фон Пола приказ, объявлявший воды, окружающие Великобританию, зоной боевых действий. Приказ должен был вступить в силу 18 февраля 1915 г., согласно нему капитаны немецких субмарин освобождались от обязанности обеспечивать безопасность пассажиров и команд гражданских судов. Кроме того, в приказе объявлялось, что немецкие субмарины могут топить суда нейтралов, если те демонстрировали враждебные действия.

США ответили нотой протеста на февральский приказ кайзера. В ответ Берлин предложил Вашингтону догово-

риться с англичанами по поводу пропуска в Германию судов с продовольствием, что было крайне маловероятно. Бурная реакция США по вопросу о свободе судоходства у берегов Британии объяснима ростом американского экспорта в страны Антанты. Только за первые три месяца войны доходы американских компаний от торговли с европейскими странами выросли на 20 млн долларов, когда еще весной 1914 г. американский экспорт в Европу сокращался. Нота протеста США обеспокоила Вильгельма II, поэтому в середине февраля 1915 г. начало тотальной подводной войны было отложено на неопределенный срок.

Опасался ли кайзер вступления США в войну? Едва ли это могло быть в начале 1915 г., Вильгельм II был хорошо информирован о состоянии дел в США. В самом начале войны В. Вильсон поставил задачу перед своим государством стимулировать внешнюю торговлю со всеми воюющими сторонами посредством отстаивания политики свободы торговли для нейтральных стран²⁸. Это означало, что США готовы были продавать военные материалы всем желающим. В 1914 г. объем американского экспорта в государства Центра составил 361 млн долларов, когда в 1913 г. он равнялся 318 млн²⁹.

²⁸ Benjamin O. Fordham. Revisionism Reconsidered: Exports and American Intervention in World War I // International Organization. 2007. Spring. Vol. 61. No. 2. P. 287.

²⁹ Benjamin O. Fordham. Revisionism Reconsidered: Exports and American Intervention in World War I // International Organization. 2007. Spring. Vol. 61. No. 2. P. 286.

Едва ли в условиях общего спада спроса на американские товары в Европе такой значительный рост импорта Германией и ее союзниками продукции из США был достигнут до выстрелов в Сараево. В 1915 г. американский экспорт в Центр упал до 29 млн долларов, но все-таки зимой 1915 г. у немцев была надежда, что американские товары все-таки будут поступать в германские порты в том же количестве, что и в предыдущем году.

Лондон объявил Северное море зоной боевых действий 2 ноября 1914 г., но этот шаг был предпринят однозначно не против немецких торговцев, которых британские военные корабли могли топить и без всяких меморандумов Форен офиса. Целью ноябрьского меморандума были американские корпорации, которые готовы были получить прибыль, торгуя с Германией. В принципе, и немецким подводникам не требовалось какого-то особого разрешения кайзера для атак на британских торговцев, согласно уставу флота, они могли это делать с рядом оговорок, которые, правда, как показала практика конца 1914 г., ничего не значили.

Уже в начале Первой мировой войны США обслуживали 40 % всех британских военных расходов³⁰. Грубо говоря, почти каждая вторая винтовка, самолет, граната и т. д., примененные англичанами на полях Фландрии или под Галлиполи,

³⁰ Benjamin O. Fordham. Revisionism Reconsidered: Exports and American Intervention in World War I // International Organization. 2007. Spring. Vol. 61. No. 2. P. 287.

имели американское происхождение либо были изготовлены из американских материалов.

Профессор Б. И. Долево-Добровольский оценил эффективность германского подводного флота в 1918 г. (табл. 1) по данным, полученным им в его годы службы в разведке ВМФ Российской империи, а затем уже в качестве главы российско-германской военно-морской комиссии в начале 1920 гг.

Таблица 1. Потери торгового тоннажа Антанты в конце войны

1-я четверть 1917 года	1620 тыс. т
2-я четверть 1917 года	2237 тыс. т
3-я четверть 1917 года	1497 тыс. т
4-я четверть 1917 года	1237 тыс. т
1-я четверть 1918 года	870 тыс. т
2-я четверть 1918 года	1243 тыс. т

Источник: *Долево-Добровольский Б. И.* Борьба на морях // Великая забытая война. М.: Яуза; Эксмо, 2009.

На сохранение германским подводным флотом высокой

эффективности указывает следующий факт: осенью 1918 г. немецкими субмаринами были повреждены два линкора западных союзников и один потоплен («Британия»). Приводим названия и тоннаж потопленных и поврежденных осенью 1918 г. линкоров государств Антанты: «Миннесота» (США) – 18 000 т, «Вольтер» (Франция) – 18 400 т, «Британия» (Великобритания) – 16 300 т.

19 июля 1918 г. немецкой субмарине U-156 удалось потопить один из лучших крейсеров США Сан-Диего водоизмещением 13 600 т³¹, который выполнял конвоирование транспортов. Успехи германского подводного флота столь впечатлили некоторых американских стратегов, что после Первой мировой войны в США всерьез обсуждался вопрос о полном отказе от тяжелых военных кораблей в пользу субмарин и морской авиации.

³¹ Кофман В. Л. Развитие ВМС США в начале XX века и их участие в Первой мировой войне. URL: <http://wartime.narod.ru/usa1.html/>.

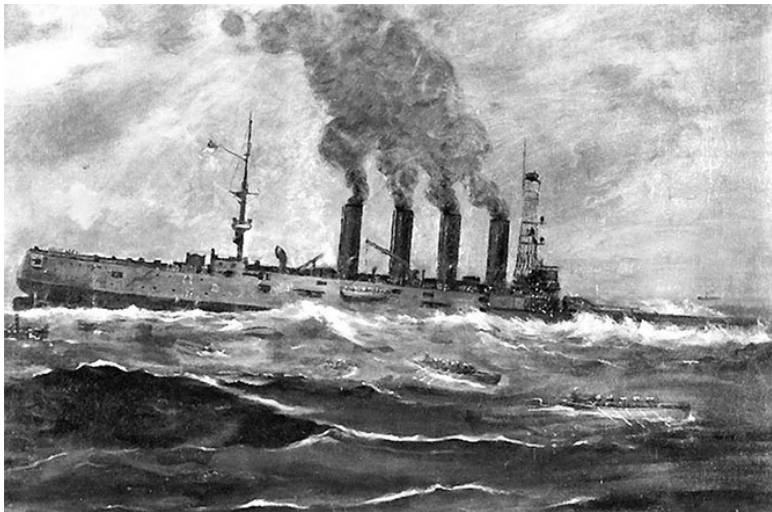

Рис. 4. Тонущий «Сан-Диего». Война с истекавшей кровью Германией оказалась не таким простым делом

Почему война на море не была выиграна Германией, даже когда численность ее подводного флота достигла 200 единиц в конце войны, то есть количества, необходимого для победы? Объявление Северного моря зоной боевых действий осенью 1914 г. подтолкнуло нейтральные государства к резкому сокращению отправки тоннажа в Германию, риски были больше, нежели если транспорты шли в британские порты. Вторая важная причина – очень крупный тоннаж британского торгового флота, как выяснилось уже после войны, летом 1914 г. торговый флот Великобритании имел около

23 млн брутто-тонн³², когда для обслуживания потребностей империи вполне было достаточно 17–18 млн т³³ (примерно столько у британцев было в межвоенный период).

Как и во многих странах той эпохи, британский торговый флот, помимо прочего, занимался обеспечением грузоперевозок между регионами самой метрополии, например возил уголь из центральных регионов Англии в Шотландию, потому что так перевозить уголь было дешевле, чем по железной дороге. Однако в условиях военного времени соображениями экономии на транспортных издержках можно было пренебречь, в таком случае высвобождался немалый процент торгового тоннажа. К британскому тоннажу надо прибавить торговые флоты нейтралов, а также введение в строй новых кораблей. На восполнение износа торговых судов в Британии в межвоенный период уходило до 1,5 млн брутто-тонн. Таким образом, минимальные мощности кораблестроительной отрасли Британии в годы Первой мировой войны вполне должны были достигать 1,5 млн т, что является значительной величиной, учитывая, что до весны 1917 г. британские торговцы не несли больших потерь.

Таким образом, чтобы поставить Англию на колени, германскому подводному флоту надо было пустить за 4 года войны на дно минимум 12 млн т только британских торговцев, исходя из цифры в 6 млн т восполненного британски-

³² Ф. 1458. Оп. 3. Д. 1.

³³ Ф. 1458. Оп. 3. Д. 1.

ми корабелями износа, а также 6 млн т излишних мощностей торгового флота Великобритании. Но даже и в этом случае победа могла оказаться слишком далеко, поскольку были торговцы нейтралов и английское кораблестроение не стояло на месте, к зиме 1918 г. британское кораблестроение вышло на такой уровень, который уже позволял полностью восполнить потери тоннажа торговцев.

Как видно по данным, приведенным Б. И. Долево-Добровольским, германский подводный флот вышел в 1917 г. на показатель 1,5 млн потопленных брутто-тонн за квартал, что практически соответствовало необходимому для нанесения Британии ощутимого урона минимуму. Но с июля 1917 г. пошел спад в количестве потопленных брутто-тонн.

После Первой мировой войны большинство историков утверждало, что причиной снижения эффективности подводного флота Германии с середины 1917 г. стала система конвоев. Однако, как видно из данных, приведенных в табл. 1, летом 1918 г. германский подводный флот добился впечатляющих успехов, хотя если конвои были действительно столь эффективны, то должен был бы иметь место неуклонный спад потопленного тоннажа Британии с лета 1917 г. На эффективность подводного флота Германии оказывали влияние два фактора: структура материальной части флота и распределение тоннажа торговых флотов западных союзников между маршрутами. Эффект противолодочной обороны западных союзников оставался практически минимальным

вплоть до конца войны, что отличает ситуацию в Атлантике в Первую мировую войну от того, что имело место в годы Второй мировой войны.

Как мы сказали выше, германским корабелям требовалось много времени для постройки субмарин. Соответственно, спущенные на воду во втором полугодии 1916 г. подводные лодки были сконструированы по ранним чертежам и имели малые тоннаж и, соответственно, радиус действий. Зимой 1916 г. Германия имела 41 субмарину, в январе 1917 г. – 103, за 1916 г. 22 подводные лодки были потеряны. На 1 февраля 1917 г. немцы уже имели 111 субмарин – колоссальный, по меркам того времени, наступательный потенциал, но 27 подводных лодок находились на Средиземном море, две – на Балтике, 33 – на базах во Фландрии, то есть против линии, соединявшей Англию с Францией.

Остановимся на Фландрии и Дуврском проливе, который представляет собой узкое горло, заминированное в годы войны британцами. Для транспортов в этом проливе были оставлены узкие незаминированные коридоры, в которые, минуя минные поля, сети и английские эсминцы, должны были проникнуть немецкие субмарины. Разумеется, в Дуврском проливе применялись в основном субмарины типа UB (подводная лодка среднего радиуса действия) и UC-минные заградители. Немецкие судоверфи построили для германского флота в общей сложности 64 UCII. Подавляющее большинство субмарин UCII было введено в строй между зимой 1916

и летом 1917 г., 30 подводных лодок этого класса немцы получили между ноябрем 1916 и июнем 1917 г. На лето 1917 г. был намечен спуск на воду примерно 23 подводных лодок UBIII, но к июню 1917 г. ни одна из них еще не была готова, водоизмещение UBIII составляло 560 т. Всего за войну на вооружении германского флота состояли 89 субмарин этого типа.

Несмотря на незначительные размеры, UCII и UBIII оказались наиболее успешными субмаринами немецкого флота. Но необходимое для эффективной подводной войны количество этих подводных лодок поступило в германский флот к августу 1917 г. Однако успешными эти типы субмарин оказались в силу того обстоятельства, что более океанские субмарины, призванные действовать на коммуникациях в центральной Атлантике, стали поступать в строй гораздо позже, в марте 1918 г. Только в июне 1917 г. были сделаны заказы на подводные лодки крейсерского типа 2130 т, но их так и не успели построить до окончания войны. Из 11 заказанных с февраля 1917 г. океанских подводных лодок только 5 были построены к концу войны.

Судя по тому, что в июне 1917 г. Военно-морское ведомство Германии заключило контракт на большое количество (35 штук) минных заградителей UC, немецкое морское командование в конце войны продолжало рассматривать Дуврский пролив и прибрежные воды Великобритании как приоритетную зону действий субмарин. Это также подтверждает-

ся тем, что в феврале 1917 г. были заказаны 45 субмарин типа UB, когда были заказаны только 6 подводных лодок океанского типа.

Для выхода в зону патрулирования у юго-западного побережья Ирландии немецкой подводной лодке требовалась неделя, субмарина водоизмещением 800 т могла находиться в море три недели, соответственно, только субмарины океанского типа могли эффективно действовать в самой уязвимой для британского торгового флота точке.

Ограниченность радиуса действий подводных лодок Германии в основном водами Северного и Ирландского морей, а также Ла-Маншем облегчила британскому командованию организацию противолодочной защиты, поэтому для обслуживания каждой позиции с весны 1917 г. немцам требовались 7 субмарин. Всего было определено, по состоянию на зиму 1917 г., что германский подводный флот мог обслужить 8 позиций, подготовив для каждой из них по 5 субмарин. Но фактически немцы смогли вывести в море 27 субмарин в марте 1917 г., впоследствии эта цифра была превышена только дважды до октября 1918 г.

Почему немецким подводникам при столь явной проблеме с дефицитом субмарин удалось добиться в 1917 г. больших успехов? Дело было в командовании Британского флота. Адмирал Джелико в начале войны заботился в основном о безопасности военно-морских баз и своих дредноутов. К исходу 1916 г. британские моряки из-за пренебрежения со

стороны Джелико подводной угрозой так и не сформировали группы патрульных кораблей, поэтому конвоировавшие торговцев боевые суда должны были отвлекаться на преследование подводных лодок.

С ноября 1916 г. англичане под руководством контр-адмирала Дэфа, начальника специально тогда созданного противолодочного отдела, разработали систему противолодочной защиты. Однако процесс создания этой системы затянулся, так как было необходимо организовать новые подразделения и оснастить их новыми средствами борьбы – гидролокаторами и гаубицами для метания глубинных бомб. Флоту также требовалось много новых самолетов для слежения за прибрежными водами. В связи с подводной войной британская потребность в новых боевых судах и судах снабжения составила в 1917 г. 7 млн т³⁴, это – огромный показатель, превышающий в несколько раз довоенные возможности британского кораблестроения.

Как выяснилось после войны, из 186 погибших немецких субмарин только 35 подводных лодок были уничтожены глубинными бомбами, то есть столько же, сколько на минных заграждениях, когда 36 субмарин погибли при невыясненных обстоятельствах (вероятнее всего, по техническим причинам) либо были интернированы после технических поломок, 8 разобраны по списанию в самой Германии. При среднемесячном производстве немецкими корабелями 7–8 суб-

³⁴ Ф. 1458. Оп. 3. Д. 1.

марин³⁵ потери быстро восполнялись.

То, что Германия так и смогла достичь своих целей в подводной войне, объяснимо, на наш взгляд, слишком поздним размещением Военно-морским министерством заказов на океанские подводные лодки. Подводные силы германского флота имели явно завышенный удельный вес подводных минных заградителей, хотя их эффективность оказалась невысокой, на минах подорвалось в среднем 10 % всех судов британского торгового флота. Всего было построено 104 субмарин типа UC за всю войну, то есть более четверти всего подводного флота Германии.

Как утверждал после войны Шеер, значительный сбой в реализации программ постройки подводных лодок был спровоцирован отвлечением рабочей силы на ремонт надводных кораблей после Ютландского сражения. Но даже и летом 1918 г. людей на верфях настолько не хватало, что командование вынуждено было снять с фронта часть солдат для отправки на судостроительные предприятия.

Малый тоннаж субмарин заставлял командование германского флота направлять подводные суда по кратчайшему маршруту через Ла-Манш, что, разумеется, в сочетании с атаками на Дуврский пролив вело к большим потерям. Из 69 потерянных в 1918 г. германских подводных лодок в Дуврском районе и в Английском канале погибли 22, когда в цен-

³⁵ *Гибсон Р., Прендергаст М.* Германская подводная война 1914–1918 гг. – Минск: Харвест, 2002.

тральной Атлантике – только 1³⁶. Низкий показатель потерь немецких субмарин за пределами Северного моря и Ла-Манша в 1918 г. говорит в пользу того, что принятые англичанами и американцами меры были не столь эффективны, как принято указывать в популярных работах по Первой мировой войне. Даже в Шотландских водах немцы потеряли в 1918 г. подводных лодок в два раза меньше, чем в 1915 г., когда были потоплены 6 германских субмарин, хотя частота встреч немецких подводников с боевыми кораблями противника и с охраняемыми транспортом в 1918 г. была, несомненно, выше, чем в начале войны. Помимо этого, англичане в 1918 г. развернули крупные военно-воздушные формации для охраны вод вокруг Британских островов. Эта мера значительно затруднила действия немецких подводных лодок на ближних подступах к британским портам³⁷, однако на дальних подступах воздушное прикрытие конвоев отсутствовало либо не могло дать такого же эффекта.

Низкие потери немецких подводников в открытой Атлантике также объяснимы редкостью контактов германских субмарин с кораблями западных союзников, что было вызвано малочисленностью немецких подводных лодок океанского типа. Этим, на наш взгляд, можно объяснить и тот факт,

³⁶ Гибсон Р., Прендергаст М. Германская подводная война 1914–1918 гг. – Минск: Харвест, 2002.

³⁷ Buckley J. Air Power and the Battle of the Atlantic 1939-45 // *Journal of Contemporary History*. Vol. 28. 1993. Jan. No. 1. P. 150.

что сопровождаемые американскими боевыми судами торговцы понесли наименьшие потери. В общей сложности Британия потеряла 9 055 000 т торгового флота³⁸, то есть почти на 3 млн т меньше того минимума, который мог бы спровоцировать серьезные проблемы в ее экономике.

В конце Первой мировой войны возник миф, что немецкие подводники чуть не победили Британскую империю, этот миф дорого стоил Германии в годы Второй мировой войны, когда К. Дениц убедил Гитлера, что можно победить Англию одними подводными лодками, но об этом ниже.

Если бы Германия применила подводные лодки против английских боевых судов, выполнявших блокаду ее портов, могло бы это изменить ход войны? Несомненно, да. В таком случае морская блокада была бы сорвана, и США едва ли вступили бы в войну. Нейтралы с меньшими ограничениями продавали бы свои товары в государства Центра. Если бы кайзер подождал с началом неограниченной подводной войны до создания действительно крупного торгового флота, то война на море, как и, скорее всего, вся Первая мировая война, приобрела бы иной ход.

³⁸ *Гибсон Р., Прендергаст М.* Германская подводная война 1914–1918 гг. – Минск: Харвест, 2002.

Воевать – значит наступать.

Жаркое лето в Галиции

Брусиловский прорыв является одним из крупнейших мифов о Первой мировой войне, что заключается в преувеличении его стратегического значения. Удар русских войск в Галиции пришелся по славянским дивизиям австро-венгерской армии. К концу 1916 г. славяне Австро-Венгрии не горели особо желанием умирать за немецкую династию Габсбургов. Утверждение о том, что наступление на Юго-Западном фронте спасло Италию и кардинальным образом повлияло на ситуацию на Сомме, носит преувеличенный характер.

Западные союзники требовали от России наступательных действий, так как Восточный фронт оттягивал слишком мало сил Германии – главного противника Франции. Жоффр рекомендовал наступать в самом неподходящем месте в Сев-Западной Белоруссии. Конечно, французский полководец никогда не бывал в лесах и болотах под Полоцком и Вильно, чтобы оценить сложность проведения наступательных операций по течению Западной Двины.

Русская армия уже успешно наступала на Юго-Западном фронте, это было в 1914 г., тогда были заняты обширные территории, почти вся Галиция. К коренному перелому наступление 3-й и 8-й армий в Первой мировой войне в 1914 г. не привело. Фронт стабилизировался через несколько недель

после поражения 4-й австрийской армии.

В 1914 году русским войскам на Юго-Западном фронте не хватило резервов, Западный фронт их не смог поддержать, так как сам был скован борьбой с немецкими войсками. Похожая ситуация должна была произойти и в 1916 г., Брусилов не имел достаточно резервов для развития наступления, а возможности Западного фронта оказались очень ограниченными.

Весной 1916 г. германское верховное командование вообще не считало возможным какие-либо серьезные наступательные действия со стороны русских, сами немцы не планировали наступать на Востоке. Главной идеей некоторых военных стратегов Германии и Австро-Венгрии в начале 1916 г. касательно Восточного фронта являлось предположение о скорой революции в России, которая выведет ее из числа воюющих держав. Поэтому немцы сконцентрировали главные силы на Западном фронте.

В полосе русского Юго-Западного фронта были сконцентрированы преимущественно славянские дивизии 4-й и 7-й австро-венгерских армий. Австрийские генералы считали, что для обороны достаточно иметь сильную первую линию обороны, а второй и третьей линиями можно пренебречь. Это роковое решение о концентрации большей части укреплений фронта на первой линии было принято австрийцами, говоря народным языком, не от хорошей жизни. Славянские подразделения опасно было размещать преимущественно во

второй линии, так как бегство заслонов из первой линии вполне могло вызвать панику во второй и третьей линиях и, как следствие, общее отступление всех войск с фронта. Вена была вынуждена бросить элитные дивизии против Италии и Сербии, поэтому войск на Восточном фронте просто физически не хватало, и «размазывать» малочисленные и нестойкие славянские части по трем линиям обороны было слишком рискованным делом.

Исследовательских материалов о тем событиях у нас мало, как и относительно других эпизодов Первой мировой войны, в Советском Союзе история этой войны была вообще полужакрытой темой. Белоэмигрантские общественные круги рассматривали Брусиловский прорыв как почти поражение стран Тройственного союза в войне. Посмотрим. Начнем с рассмотрения влияния Брусиловского прорыва на ситуацию в Италии.

В ряде советских/российских источников имело место утверждение, что наступление Юго-Западного фронта началось ранее намеченных сроков под нажимом обстоятельств, связанных с поражениями итальянской армии в Альпах. Однако из Секретного доклада Алексея Николаевича II следует, что наступление Юго-Западного и других фронтов планировалось Россией на май 1916 г. с целью поддержки действий союзников под Верденом. Кризис итальянской армии совпал по времени с планировавшимся российской армией наступлением, возможно, оно запаздывало из-за того, что армию не

успели подготовить в срок.

Через день после объявления Австрии войны (24 мая 1915 г.) Италия начала приграничное наступление. Австро-Венгерское верховное командование было сильно озадачено случившимся, решив отвести войска за Саву и на равнине дать генеральное сражение итальянцам. Однако генерал Фалькенштайн убедил Генеральный штаб в крайней рискованности такого шага, у австрийцев у границы с Италией было мало сил, и возникла угроза, что противник просто раздавит их на равнинах Савы своей численностью³⁹.

Австрийцы в условиях Альп не смогли бы наступать, хотя, как пишет Людендорф, такие действия весной 1916 г. были (этому в воспоминаниях германского стратега посвящен буквально краткий абзац). Людендорф указывает на 15 мая 1916 г. как на дату начала австрийского наступления на итальянский Тироль, но к концу этого месяца наступление выдохлось, так и не дав никаких результатов⁴⁰. Примечательно указание срока фактической остановки наступления – конец мая.

Итальянские Альпы стали неприступной крепостью итальянских фашистов в 1945 г., именно там была сформирована знаменитая республика Соло – последний оплот ре-

³⁹ *Конкэ*. Сражение под Капоретто (1917 г.) // Катастрофы Первой мировой войны. М.: АСТ. С. 202.

⁴⁰ *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. С. 217.

жима Муссолини. В 1914 году австрийцы не смогли одолеть Черногорию, которую защищали сорок тысяч ополченцев, в горах воевать сложно. Именно, по всей видимости, поэтому Фалькенхайм отказался поддержать план Конрада о совместном, австро-германском наступлении против Италии. По планам австрийского командования, в наступлении против Италии должны были принять участие 25 дивизий Австро-Венгрии и Германии, но из-за отказа последней от участия в операции итальянские Альпы начали штурмовать только 18 дивизий.

Стратегическое положение Италии было схоже с российским, ее действия жестко координировались французским Генеральным штабом, поэтому итальянцы вынуждены были проводить в 1915 и в середине – конце мая 1916 г. неподготовленные наступления в районе Изонцо. В начале своего участия в войне Италии мешало то обстоятельство, что у ее армии было очень мало артиллерии; когда к осени 1915 г. эта проблема была решена, возник дефицит обученных армейских кадров, так как в ходе наступательных операций Италия лишилась своих лучших солдат. Таким образом, к весне 1916 г. старая итальянская армия была в большинстве своем выбита⁴¹, а пришедшие ей на смену резервы еще не прошли достаточной подготовки и закалки в боях.

Австрийское командование указывало на вероятность

⁴¹ Конкэ. Сражение под Капоретто (1917 г.) // Катастрофы Первой мировой войны. М.: АСТ. С. 205.

успеха общего наступления на итальянском фронте в связи с опытом наступления армий государств Центра против Сербии в 1915 г.⁴² Однако условия Сербии коренным образом отличались от итальянского театра. Германской и австро-венгерской армиям на Балканах противостояли малочисленная сербская армия. При этом жизненно важные городские центры и базы снабжения находились в равнинной части Сербии, к тому же за спиной у сербской армии была полудикая горная местность, способная служить укрытием, но не территорией, откуда можно проводить успешные контр-наступательные действия. Тем более в правый фланг сербам заходила болгарская армия, смешанная с расположенными на ее территории германскими подразделениями. На левом фланге у сербской армии висела Босния, насыщенная австрийскими войсками. Сербам пришлось сражаться фактически почти в окружении.

В Италии было все наоборот, дорогу к жизненно важным центрам преграждала стена Альп, итальянская армия могла получать, сражаясь в горной местности, снабжение и подкрепления с равнин своей страны. Средиземноморские коммуникации Антанты пролегали рядом с Италией и могли служить для постоянного снабжения ее армии со стороны западных союзников. Тылы флангов итальянских войск опирались на море. Почти идеальные условия для обороны.

⁴² *Лиддел-Гарт Б. Г.* Правда о Первой мировой войне. М.: Яуза; Эксмо, 2009. С. 205.

Конрад все-таки решил наступать в середине мая 1916 г. Итальянские генералы были удивлены первым успехам австрийцев и быстро поддались панике, хотя угроза была преувеличена. В ходе своего наступления, которое закончилось 10 июня, австрийцы взяли в плен 45 тыс. итальянцев, всего Италия потеряла 150 тыс. солдат и офицеров. Австро-Венгрии эта операция стоила 80 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными (около 25 тыс. человек), но это были потери отборных войск, Конрад действовал против Италии 6 элитных дивизий. К 20 мая 1916 г. австрийцы продвинулись вглубь территории противника на 8 км (общий итог наступления – продвижение войск Австро-Венгрии примерно на 22 км), захватив ряд пунктов в предгорьях, но так и не решив ни одной крупной даже тактической задачи⁴³.

Начальник итальянского Генерального штаба Кадорна заранее знал о предстоящем австрийском наступлении, но не верил в его успех, поэтому, оставив незначительные силы под Трентино, он начал наступать в районе Изонцо.

Итальянские генералы недооценили возможности и дух своих войск, поэтому они стали просить Россию начать наступление в Галиции, чтобы отвлечь силы австрийцев. Брусиловский прорыв начался 4 июня, о его катастрофических для Австро-Венгрии масштабах стало понятно не ранее 6–7 июня, когда наступление Конрада в Италии уже выдохлось

⁴³ *Террейн Дж.* Великая война. Первая мировая – предпосылки и развитие / пер. с англ. Е. Б. Поспеловой. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2004. С. 154.

(27 мая силы австрийцев под Трентино были на исходе, и наступление можно было считать провалившимся). 30 мая наступление австрийцев приостановилось. Итальянцы получили короткую передышку, всего 2–3 дня, в ходе которой сосредоточили у Трентино порядка 40 тыс. солдат и офицеров, что, вероятнее всего, в итоге не позволило австрийцам успешно наступать.

Обратим внимание на даты: Кадорна обратился через Жофра к российскому командованию 30 мая с просьбой начать наступление в ближайшие 24 часа, но Брусилов начал операцию 4 июня, дав, таким образом, Конраду еще почти неделю свободы действий в Италии. Учитывая, что австрийцы стояли в 30 км от жизненно важных коммуникаций итальянской армии, эта неделя вполне могла стать роковой для Италии, окажись у Конрада достаточно резервов, но именно эта неделя и решила ее судьбу, а возможно, и судьбу всей войны. Итальянцы сумели сдержать измотанным наступлением в горах австрийцев, русская помощь оказалась явно запоздалой.

Предположим, что австрийцы добились в период между 30 мая и 5 июня решительных результатов под Трентино. В таком случае наступление Брусилова никак не смогло бы их заставить снять не столь значительные силы с итальянского театра действий (Конрад принял решение после 4 июня перебросить в Галицию 9 дивизий, и эти дивизии нуждались в отдыхе и пополнениях). На карте тогда стояло гораздо больше – выход Италии из войны и, вероятно, образование в ты-

ду у французов нового фронта, а в таком случае и Германия оказала бы активную поддержку Австро-Венгрии даже ценой прекращения наступления под Верденом.

Тем не менее о подвиге итальянских военных в советской/российской историографии сказано «мелкой строкой», а в большинстве исследований таковой вообще не признан, но зато акцент всецело делается на решительном влиянии на ситуацию в Италии Брусиловского прорыва. Позднее в России и на Западе возникнет миф о беспомощных «итальянцах-макаронниках», мол, они от природы не солдаты и т. п. Мы вернемся еще к вопросу об Италии в другом исследовании, посвященном уже Второй мировой войне.

Итальянцы, якобы, находившиеся на грани поражения в войне, предприняли с 15 июня по 13 июля наступление под Трентино, вернув себе большую часть утеранных в мае позиций. В начале августа они разбили австрийцев у Изонцо, выведя из строя до 80 тыс. солдат и офицеров Австро-Венгрии, потеряв при этом 70 тыс. человек. На Изонцо итальянцы применили большое количество орудий – 1750 стволов на узком участке фронта⁴⁴, когда, скажем для сравнения, Брусилов задействовал на начальном этапе своего наступления 1938 орудий при гораздо большей протяженности фронта. Причем у Изонцо наступали итальянские части, переброшенные из-под Трентино вскоре после прекращения наступ-

⁴⁴ *Конкэ*. Сражение под Капоретто (1917 г.) // Катастрофы Первой мировой войны. М.: АСТ. С. 207.

ления Конрада. Таким образом, если итальянские войска после отражения австрийского наступления еще сохраняли высокий наступательный потенциал, то, значит, Италия была далека от поражения в июне 1916 г.

Телеграмма Кадорры могла иметь ряд посторонних мотивов, например, облегчить за счет русских штыков задачу наступления на Изонцо либо, может быть, ускорить наступление России, которое затягивалось русскими генералами, постоянно ссылавшимися на то, что армия еще не готова. При втором варианте, если бы было так, инициатива должна была исходить не от Кадорры, а от самого Жоффра.

Вместе с тем итальянская авантюра австрийского командования сильно помогла Брусилову, в Галиции российская армия встретила не отборные немецкоязычные и венгерские дивизии Австро-Венгрии, а преимущественно славянские подразделения. Что такое славянские дивизии, показали сражения 1914 г. на Балканах, когда маленькая сербская армия (всего 11 дивизий на то время) разбила австрийскую группировку войск численностью 500 тыс. человек, состоявшую преимущественно из чехов. При этом сербы вывели из строя около 250 тыс. солдат и офицеров противника⁴⁵. Произошло это в основном благодаря тому, что славяне не хотели стрелять в славян, и чехи толпами сдавались в плен сербам либо оставляли без боя позиции, австрийское командование недо-

⁴⁵ *Террейн Дж.* Великая война. Первая мировая – предпосылки и развитие / пер. с англ. Е. Б. Поспеловой. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2004. С. 32.

оценило фактор пробуждения национального самосознания у народов своей империи.

У австрийцев на русском фронте в Галиции и на Волыни имелось 441 тыс. солдат и офицеров (это, заметим, даже меньше, чем против сербов в 1914 г.), это мало, учитывая также низкую степень боеспособности армии Австро-Венгрии. Однако Конрад все-таки осуществил переброску нескольких боеспособных дивизий из Галиции на итальянский фронт, что было затем сочтено верховными командованиями Австро-Венгрии и Германии как трагическая стратегическая ошибка, повлекшая за собой разгром австро-венгерских войск в ходе Брусиловского прорыва⁴⁶.

Обратимся теперь к Французскому фронту, как Брусиловский прорыв повлиял на ситуацию там?

1 июля после шестидневной артподготовки союзники перешли в наступление на реке Сомма. Эта операция вошла в историю как битва на Сомме. Немцы, как утверждали советские историки и продолжают за ними повторять российские исследователи, перед этим перебросили часть своих сил на Восточный фронт (примерно 400 тыс. человек, или 30 дивизий, как у В. К. Шацилло⁴⁷), ослабив оборону на Западе. За четыре месяца боев англо-французские войска заняли уча-

⁴⁶ *Лиддел-Гарт Б. Г.* Правда о Первой мировой войне. М.: Яуза; Эксмо, 2009. С. 206.

⁴⁷ *Шацилло В. К.* Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 111.

сток фронта шириной в 10 км и глубиной в 35 км, то есть это был скорее тактический, нежели стратегический успех. Союзниками не было захвачено ни промышленных центров, ни важных транспортных узлов. Безвозвратные потери Германии составили 160 тыс. человек. Битва на Сомме имела большое моральное значение для союзников и дала крупный пропагандистский эффект.

Не совсем понятно, откуда взялась эта цифра – 400 тыс. немецких солдат и офицеров, переброшенных с Западного фронта против русских. В своих воспоминаниях Людендорф достаточно подробно описывает события, связанные с Брусиловским прорывом. Он четко указывает на то, что в период с июня по конец августа 1916 г. германская армия сдерживала натиск русских войск исключительно силами Восточного фронта.

Ни о какой переброске крупных сил из Франции Людендорф не упоминает. Он пишет лишь о трех сформированных летом 1916 г. дивизиях, предназначенных для обороны на Восточном фронте и состоявших из новобранцев, в том числе ранее назначенных на Западный фронт⁴⁸. Но эти три дивизии, укомплектованные, кроме того, и новобранцами, прикомандированными изначально к частям Восточного фронта, были готовы к развертыванию в августе 1916 г. Таким образом, германское командование сняло с француз-

⁴⁸ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. С. 225.

ского театра боевых действий где-то 30 тыс. солдат и офицеров. Решение о крупной передислокации войск с Западного фронта было принято германским командованием в начале сентября 1916 г. на совещании штабов и командующих фронтов в Плессе⁴⁹.

Румынский фактор, по мнению А. И. Уткина, подтолкнул Германию перебросить значительные силы на Восток⁵⁰. Исполнение этого решения могло начаться в полной мере не ранее 10 сентября 1916 г., к этому времени бои на Сомме достигли уже своей кульминации, но при этом Брусиловский прорыв почти завершился. Однако А. И. Уткин утверждает, что передислокация германских войск произошла в августе, правда, когда конкретно в августе, не говорится⁵¹. Данное утверждение известного российского историка противоречит воспоминаниям Людендорфа.

Лиддел Гарт также утверждает о том, что Фалькенхайм отдавал приказы о передислокациях войск из Франции на Восточный фронт, но при этом британским историком не указываются ни конкретные даты, ни численность перебрасывавшихся войск⁵².

А. М. Зайончковский писал, что немцы перебросили с За-

⁴⁹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. С. 243.

⁵⁰ Уткин А. Н. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. С. 281.

⁵¹ Уткин А. Н. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. С. 281.

⁵² Лиддел-Гарт Б. Г. Правда о Первой мировой войне. М.: Яуза; Эксмо, 2009. С. 204–207.

падного фронта в общей сложности 24 дивизии, чтобы обеспечить стабилизацию Восточного фронта во время Брусиловского прорыва⁵³.

Даже в конце августа 1916 года решение о переброске войск из Франции не могло быть принято. Румыния вступила в войну 27 августа, и 28 августа Вильгельм II освободил Фалькенхайма от должности начальника Генерального штаба, утром 29 августа этот пост принял Гинденбург, а его заместителем стал бывший начальник штаба Восточного фронта Людендорф. Гинденбург и Людендорф плохо знали ситуацию на Западном фронте, им потребовалось не менее недели для вхождения в курс дела. Поэтому важные стратегические решения они могли принять не ранее 1 сентября. Даже важные приказы касательно оборонительной операции на Сомме немцы получили от Гинденбурга в начале 20-х чисел сентября.

Целью стратегической передислокации германских войск с Западного фронта была не Галиция, где находились силы Брусилова, а защита восточных провинций Австро-Венгрии от румынских войск. Австрийское верховное командование ни до, ни в начале войны не позаботилось о румынском направлении, в конце августа в Трансильвании практически не было австро-венгерских войск.

И еще одна важная деталь по поводу стратегической ситуации на Западном фронте. Несмотря на тяжелый удар Ан-

⁵³ Зайончковский А. М. Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002.

танты на Сомме, немцы продолжали наступать под Верденем вплоть до начала сентября 1916 г. Если бы в результате Брусиловского прорыва Германия действительно оказалась бы в тяжелом стратегическом положении, то, вероятнее всего, наступательную операцию под Верденем ей пришлось бы прекратить еще в июне.

К 25 августа 1916 г. Восточный фронт, как пишет Людендорф, стабилизировался, русское наступление выдохлось⁵⁴. Сам Брусилов признал это 11 сентября, когда сообщил в Ставку, что его резервы истощены⁵⁵. Это же признавали и некоторые советские военные историки в 1920-е гг.⁵⁶

А. И. Уткин пишет о 33 дивизиях, переброшенных против Румынии⁵⁷, здесь-то и надо искать след тех 400 тыс. немцев, отвлеченных от битвы на Сомме. Людендорф указывает, что для спасения положения на Румынском фронте он и Гинденбург уговорили кайзера остановить наступление под Верденем, чтобы высвободить находившиеся на этом направлении дивизии⁵⁸, про то, чтобы снять войска из-под Соммы, у германского стратега ни слова.

⁵⁴ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. С. 232–234.

⁵⁵ Уткин А. И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. С. 278.

⁵⁶ Свечин А. А. Общий обзор сухопутных операций // Великая забытая война. М.: Эксмо, 2009. С. 134–135.

⁵⁷ Уткин А. И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. С. 281.

⁵⁸ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. С. 243.

14 июня 1916 г. 8-я русская армия, преследуя австрийцев, вышла на линию Сокуль – Киселин – Блудов в двух переходах западнее Луцка. Здесь они столкнулись с немецкими войсками, 14 июня это были 11-я баварская и 108-я пехотная дивизии, которые были переброшены с Западного фронта.

Итак, 11-я королевская баварская пехотная дивизия. 16 мая 1916 г. эта дивизия после больших потерь, понесенных в сражениях за Верден, была выведена германским командованием в стратегический резерв. В середине июня она действительно была переброшена под Стырь, но получается, она была переведена из резерва на Восточный фронт, а не прямо с Западного фронта. До 10 октября 1916 г. эта дивизия оставалась в Галиции, пока ее не перевели в Румынию⁵⁹.

108-я кайзеровская пехотная дивизия на момент начала Брусиловского прорыва находилась под Динанбургом (Даугалпис, Латвия). Была переброшена достаточно оперативно в зону русского наступления и уже 9 июня начала развертывание под Стырем, встретив авангарды 8-й армии там 15 июня⁶⁰.

Прорыв 7-й армии, который был многообещающим (в историю наступление этой армии Юго-Западного фронта вошло как Язловецкая операция), окончился достаточно

⁵⁹ Amtliches Werk des bayerischen Kriegsarchivs: Die Bayern im Großen Kriege 1914–1918. National-Verlag Gmb H. München, 1923.

⁶⁰ Ruhmeshalle unserer Alten Armee. Herausgegeben auf Grund amtlichen Materials des Reichsarchivs. Berlin: Militär-Verlag, 1927. S. 73, 158.

неудачно после контрудара 48-й германской резервной дивизии, которая была переброшена на Восточный фронт в ноябре 1914 г., где и оставалась, когда ее застал на позициях Брусиловский прорыв⁶¹

⁶¹ Histories of Two Hundred and Fifty-One Divisions of the German Army which Participated in the War (1914–1918), compiled from records of Intelligence section of the General Staff, American Expeditionary Forces, at General Headquarters, Chaumont. France, 1919 (1920). P. 479–482.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.